

УДК 9:929

Зоологический музей и институт в Петрограде–Ленинграде: от Первой мировой до «Великого перелома» (1914–середина 1930-х гг.)

Н.В. Слепкова

Зоологический институт Российской академии наук, Университетская наб. 1, 199034 Санкт-Петербург, Россия; e-mail: Nadezhda.Slepкова@zin.ru

РЕЗЮМЕ

В работе рассмотрены некоторые аспекты истории Зоологического музея и возникшего на его базе в 1931 г. Зоологического института Академии наук СССР в течение двух десятилетий после начала Первой мировой войны. Рассмотрены научные, социальные и политические последствия, которые имели для музея Первая мировая война, две революции 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война. Описывается создание Совета музея, управлявшего в период с 1917 по 1930 гг., и попытка эвакуации коллекций в 1917 г., а также условия, в которых работали зоологи музея в период войн и революций. Рассмотрены первые годы восстановления нормальной работы Зоологического музея после Гражданской войны, а также последствия наводнения 1924 г., затронувшие ихтиологическое, герпетологическое и остеологическое отделения музея. Обсуждается переименование музея в институт в ходе реформы Академии наук в 1929–1934 гг., а также увольнения и репрессии в ходе этой реформы. В работе рассмотрены изменения в экспозиции Выставочного отдела, сделанные по требованию властей. Приводятся сведения о Фаунистической конференции 1932 г., прошедшей на базе Зоологического института АН СССР под лозунгом построения «партийной», «большевистской фаунистики».

Ключевые слова: Гражданская война, Зоологический музей, Зоологический институт, комиссия Ю.П. Фигатнера, наводнение 1924 г., Первая мировая война, революция 1917 г., реформы Академии наук в 1929–1934 гг., Совет музея, Фаунистическая конференция 1932 г., эвакуация коллекций 1917 г.

The Zoological Museum and Institute in Petrograd–Leningrad: from the First World War to the “Great Break” (1914–mid-1930s)

N.V. Slepкова

Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb. 1, 199034 Saint Petersburg, Russia; e-mail: Nadezhda.Slepкова@zin.ru

ABSTRACT

This paper considers some aspects of the history of the Zoological Museum and the Zoological Institute of the Academy of Sciences of the USSR, which appeared on its base in 1931, during two decades following the outbreak of the First World War. It deals with the scientific, social and political consequences caused for the Zoological Museum by the First World War, two Revolutions of 1917 and subsequent Civil War. The paper describes establishment of the Museum's Council, which ruled from 1917 to 1930, and an attempt to evacuate collections in 1917, as well as conditions under which the Museum zoologists had to work in the period of the wars and revolutions. The first years of the restoration of normal work of the Zoological Museum after the Civil War are considered, as well as the effects of the flood, which damaged the Ichthyological, Herpetological and Osteological departments of the Museum in 1924. The renaming of the Museum into the Institute during the reform of the Academy of Sciences

in 1929–1934 is discussed as well as layoffs and repressions during this reform. The paper considers changes in the Exhibition Department, made on demand of the authorities. The information is given about the Faunistic Conference of 1932, which was hosted by the Zoological Institute of the Academy of Sciences of the USSR under the slogan for “the Party’s” and “Bolshevik’s faunistic studies”.

Key words: The Civil War, the Zoological Museum, the Zoological Institute, Commission of Yu.P. Figatner, the flood of 1924, the First World War, the Revolution of 1917, the Reform of the Academy of Sciences in 1929–1934, the Council of the Museum, the Faunistic Conference of 1932, evacuation of collections in 1917

ВВЕДЕНИЕ

Задавшись целью охарактеризовать жизнь Зоологического музея (и позднее – института) в период пребывания в нем В.А. Линдгольма, а именно – с 1914 по 1935 гг., мы должны будем обратиться к весьма драматичным страницам истории как нашей страны в целом, так и музея-института в частности. События Первой мировой войны и двух революций, Гражданская война, становление и укрепление новой власти в стране, НЭП, начало индустриализации и коллективизации, культурная революция – все это непосредственно влияло на положение ученых. Тяготы Гражданской войны, голод, террор в особенной степени поразили Петроград, где располагались все академические учреждения того времени, включая Зоологический музей. Для Зоологического музея к социальным потрясениям в 1924 г. добавилось стихийное бедствие – сильнейшее наводнение, затронувшее часть коллекций музея. В самом конце 1920-х – начале 1930-х гг. Академия наук подверглась реформированию, в ходе которого некоторые сотрудники оказались репрессированными, а музей был переименован в институт. Все это составляет драматический фон, на котором разворачивалась жизнь учреждения в период работы в нем В.А. Линдгольма. Нам придется ограничиться лишь наиболее важными эпизодами жизни музея в этот период и сосредоточиться главным образом на тех условиях, в которых работали сотрудники, оставляя в стороне само содержание исследований этого периода.

МАТЕРИАЛЫ

Опубликованные сведения о жизни музея и института с 1914 по 1935 гг. не отличаются детальностью. Обзорная работа К.Б. Юрьева в сборнике к 150-летию института затрагивает

этот период очень кратко, без ссылок на источники и не лишена ошибок (Юрьев [Yur'ev] 1982). В частности, в ней неверно обозначен год преобразования музея в институт. Указанный период затронут в автореферате диссертации Н.В. Слепковой ([Slepkoval] 2006) «Развитие Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883–1932 гг.)», однако сами материалы глав, посвященных этому периоду, остались по большей части не опубликованными и будут предложены читателю впервые. Исключение составляет только период реорганизации Академии наук в 1929–1934 гг., которому посвящена специальная работа (Слепкова [Slepkoval] 2008). Несколько лучше дело обстоит с описанием истории Выставочного отдела музея (Slepkoval 2010a; Слепкова [Slepkoval] 2010b, 2017). Опубликованы краткие сведения о персонале (Слепкова [Slepkoval] 2005), есть некоторое количество работ, посвященных Академии наук этого периода в целом (Колчинский [Kolchinskii] 1999, 2003a–d; 2007; Алферов [Alfyorov] 2003; Колчинский и др. [Kolchinskii et al.], 2007; Романовский [Romanovskii] 1999; Перченко [Perchyonok] 1995).

Источником информации о жизни Зоологического музея в этой работе выступают главным образом ежегодные отчеты, публиковавшиеся за 1913–1917 г. в составе Ежегодника Зоологического музея Императорской академии наук (Насонов [Nasonov] 1915, 1916, 1917, 1922; Бианки [Bianki] 1922). Отчеты музея за 1917–1919 гг. опубликованы в составе отчетов о деятельности РАН по отделению физико-математических наук и исторических наук и филологии, составленных непременно секретарем (Ольденбург [Ol'denburg] 1917, 1919, 1920), за 1923–1924 гг. – в Отчете о деятельности РАН (Ольденбург [Ol'denburg] 1924, 1925), а в 1925–1931 – в Отчете о деятельности Академии наук СССР (Ольденбург [Ol'denburg] 1926, 1927, 1929; Ферсман

[Fersman] 1928; Комаров [Komarov] 1930; Волгин [Volgin] 1931, 1932). Отчеты Зоологического института за 1932, 1933 и 1934 гг. также опубликованы в отчетах о деятельности Академии наук СССР (Волгин [Volgin] 1933, 1934, 1935). Кроме того, сведения о музее почерпнуты из документов Санкт-Петербургского архива РАН. Отчет за 1920 г. найти не удалось, и события этого года воспроизведены по протоколам заседаний Совета музея в 1920 г.¹ (здесь и далее примечания см. Приложение 1). Неопубликованные отчеты по Зоологическому музею за 1921 г.² и 1922 г.³ обнаружены в архиве в рукописных вариантах. Источником сведений стали также протоколы заседаний Физико-математического отделения Академии наук за указанный период.⁴

РЕЗУЛЬТАТЫ

I. Музей перед Первой мировой войной

С 1896 г. музей располагался в здании на Стрелке Васильевского острова поблизости от Дворцового моста, занимая две из трех частей здания бывшего Южного таможенного пакгауза, а именно – бывшую Экспозиционную залу и собственно пакгауз (Слепкова [Slepikova] 2001), над которым к этому времени был надстроен третий этаж (Рис. 1) для помещения хранилищ и библиотеки.⁵ Работы комиссии по надстройке третьего этажа производились в 1910–1915 гг.,⁶ хотя возможность перенести большую часть основных коллекций из нижнего этажа в верхний возникла уже в 1912 г. (Императорская академия... [The Imperial Academy...] 1917: 181). Основные работы были закончены как раз накануне начала Первой мировой войны. В 1914 г. устанавливали мебель, лифт. В материалах комиссии есть документы, относящиеся к 1914 г., о дороговизне настилки мастичного пола «Литой Линоль» из-за военного времени.⁷ Ликвидационное заседание комиссии состоялось 4 ноября 1915 г.⁸ «Вся постройка обошлась в 165310 руб., причем застроена площадь 1100 кв. саж.» – говорилось в документах.⁹ Добавочную сумму в 6000 руб. на содержание третьего этажа начали отпускать из Государственного казначейства с 1 июня 1914 г. (Насонов [Nasonov] 1916: 3). То, что достройку удалось практически завершить к началу Пер-

вой мировой войны, сыграло важную роль в дальнейшем развитии учреждения.

В достроенном третьем этаже размещались четыре больших зала, занятых коллекциями по млекопитающим, птицам, насекомым и другим беспозвоночным животным, библиотека, читальный зал, канцелярия и 18 просторных кабинетов для ученого персонала, а также дезинфекционная комната. В нижнем помещении оставались остеологическая коллекция, коллекция рыб, земноводных и «чешуйчатых гадов» (Императорская академия... [The Imperial Academy...] 1917: 181). Назначение помещений обозначено на планах Г.Д. Гримма (Рис. 2).¹⁰ Вход в здание для научного персонала был рядом с библиотекой со стороны двора.¹¹ Кабинет директора располагался рядом с помещениями теперешней библиотеки.

Весь средний этаж занимала развернутая к началу 1901 г. экспозиция музея. Подробный план этой экспозиции можно обнаружить в путеводителе Н.М. Книповича, несколько раз переиздававшемся (Книпович [Knipovich] 1910, 1912, 1924). Существенных отличий от экспозиции, созданной в начале века, она не имела, хотя путеводитель Книповича отличался более детальным изложением материалов, чем лаконичные два первых издания (Путеводитель [Putevoditel'] 1901; Зоологический музей [Zoological Museum] 1904). Музей был не только научным, но и просветительским учреждением в соответствии с положением о музее 1895 г., которое гласило: «1. Зоологический музей с состоящею при нем технической лабораторией есть центральное учреждение в империи для познания животного царства, преимущественно России. 2. Ближайшие задачи музея заключаются: 1) в научной разработке систематики и географии животного царства и, в особенности, в разрешении вопросов, касающихся отечественной фауны, и 2) в распространении познаний о животном царстве и воспособлении наглядному изучению зоологии по выставленным в музее коллекциям» (Слепкова [Slepikova] 2007: 115; полный текст Положения см. Басаргина [Basargina] 2012: 230–232). Вход на экспозицию был со стороны Дворцового моста, там же, где и в наши дни. Имелись вестибюль с памятником К.М. Бэру и «шинельная» для посетителей.

Рис. 1. Вид на Зоологический институт со стороны здания бывшей Биржи. Виден надстроенный третий этаж. Современный снимок Н.В. Слепковой.

Fig. 1. View of the Zoological Institute from the former Stock exchange building. The superstructured 3rd floor can be seen. Modern photo by N.V. Slepko.

Главной задачей музея был сбор и изучение зоологических коллекций по разным группам животных, в связи с чем, структура музея была устроена по систематическому принципу. К 1917 г. она включала отделение млекопитающих, орнитологическое отделение, герпетологическое и ихтиологическое отделение, энтомологическое отделение (разбитое на пять частей), шесть отделений беспозвоночных и остеологическое отделение. Энтомологическое отделение состояло из: I часть – Coleoptera, Aphaniptera, Diptera; II часть – Orthoptera, Neuroptera, Hymenoptera; III часть – Lepidoptera; IV часть – Hemiptera; V часть – коллекция Aphidodea. Шесть отделений беспозвоночных были следующими: I отделение – Pantopoda, Arachnoidea, Myriapoda, Tunicata; II – Vermes и Bryozoa; III – Mollusca, Brachiopoda; IV – Coelenterata, Porifera и Protozoa; V – Echinodermata; VI – Crustacea,

планктон, грунт. Преобладающими направлениями исследований в этот период были систематика и фаунистика.

Число сотрудников музея в предреволюционные годы было невелико. Состав служащих, публиковавшийся в Ежегоднике Зоологического музея, к 1 января 1914 г. включал 34 человека, причем научный персонал состоял из 12 человек всего (Насонов [Nasonov] 1917: 4–7). Директором был академик Н.В. Насонов (Рис. 3), он же – заведующий остеологическим отделением. Имелись шесть старших зоологов: В.Л. Бианки, А.А. Бялыницкий-Бируля, Г.Г. Якобсон, Н.Н. Аделунг, А.К. Мордвилко, Н.М. Книпович. Были четыре младших зоолога: Н.Я. Кузнецов, В.В. Редикорцев, Н.В. Куделин, А.М. Дьяконов. А.Н. Кириченко числился исполняющим обязанности младшего зоолога. Библиотекарем работал С.М. Каратаев, письмоводителями –

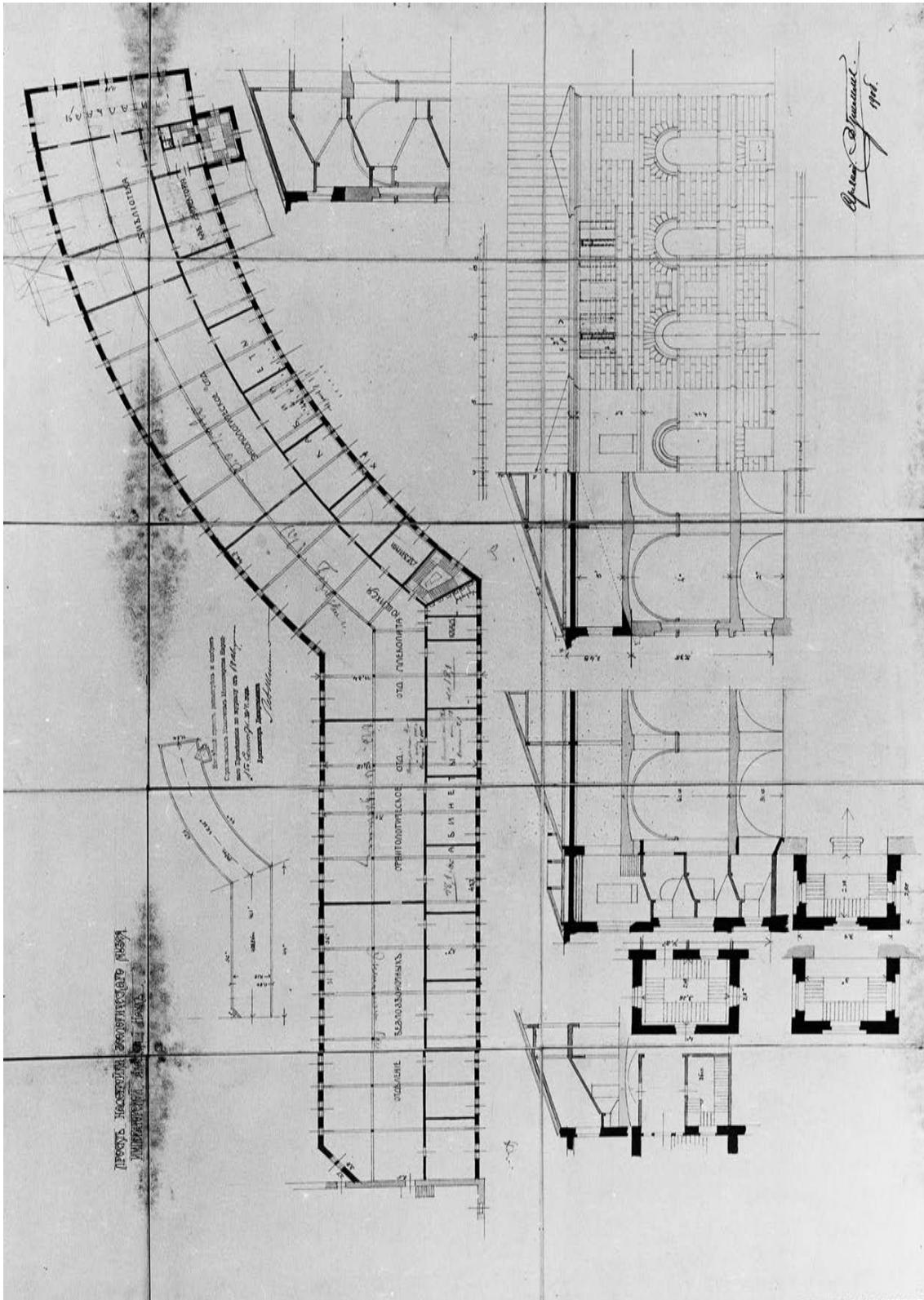

Рис. 2. План надстройки третьего этажа над зданием Зоологического музея. Архитектор Г.Д. Гримм. 1910 г. СПФ АРАН. Сокращения см. Приложение 1.
 Fig. 2. The superstructure plan of the 3rd floor above the building of the Zoological Museum. Architect G.D. Grimm. 1910. СПФ АРАН. For abbreviations see Appendix 1.

Рис. 3. Академик Николай Викторович Насонов (1855–1939) – директор Зоологического музея в 1906–1921 гг. Научный архив ЗИН РАН.

Fig. 3. Academician Nikolay Viktorovich Nasonov (1855–1939) – Director of the Zoological Museum in 1906–1921. Scientific archive of ZIN RAS.

В.С. Пергамент и П.К. Грибанов. Имелись три старших препаратора: С.К. Приходко, М.А. Колин и К.И. Функсон. А.И. Галл числился исполняющим обязанности препаратора. Кроме того, были лица подсобного персонала.¹² В течение года в научный состав музея были приглашены П.Ю. Шмидт в качестве штатного старшего зоолога, В.А. Линдгольм в качестве исполняющего обязанности сверхштатного старшего зоолога и Г.Ю. Верещагин в качестве штатного младшего зоолога.

Весьма значительную роль в сборе, а иногда и обработке коллекций в этот период времени играли лица, не состоявшие на службе в Академии. Наиболее заслуженные из них в соответствии с порядками, вошедшими в употребление

еще при директоре Ф.Д. Плеске, избирались в число корреспондентов Зоологического музея. Наиболее пространный список таких «лиц, принесших особую пользу музею и утвержденных в этом звании Императорской академией наук», был опубликован в отчете за 1915 г. (Насонов [Nasonov] 1917: 6–7). Начиная с 1895 г. в число корреспондентов музея были избраны 37 человек, из которых здравствовавших к 1914 г. были 26.¹³ Кроме корреспондентов, сбором коллекций для музея занимались многочисленные лица, которым выдавали необходимые для этого инструкции, субсидии и снаряжение. Так, в 1916 г. девять человек получили субсидии от музея для собирания коллекций в различных местностях России. Кроме того, 33 лица получили для этой цели энтомологическое снаряжение, 13 лиц – гидрологическое и 50 лицам были выданы посуда и спирт (Насонов [Nasonov] 1922: 58–63). В целом эта цифра была довольно-таки высока и доходила до 92 человек сборщиков насекомых и 80 человек, получавших посуду, спирт и инструменты для собирания различных коллекций (Императорская академия... [The Imperial Academy...] 1917: 200), что ощутимо расширяло фактический штат музея. Для таких лиц Зоологический музей в течение длительного времени издавал серию «Наставлений для собирания коллекций». Первые наставления вышли еще при Ф.Ф. Брандте и А.А. Штраухе, однако более или менее регулярным это издание стало в самом конце XIX – начале XX века. Оно выходило отдельными выпусками, пронумерованными от 1 до 20 и захватившими период от 1888 г. до 1936 г. Большая часть выпусков и переизданий этих инструкций пришлось на дореволюционный период, но целый ряд наставлений, преимущественно по сбору насекомых, выходил в 1920-е и 1930-е гг.¹⁴

Музей перед Первой мировой войной активно пополнялся коллекциями. Например, в предвоенном 1913 г. поступления составили 210284 экз., из них позвоночных – 21841 экз. (Насонов [Nasonov] 1915: 1). С возникновением «Ежегодника Зоологического музея», то есть, начиная с отчета за 1894 г., проследить поступления становится довольно легко. Перечень коллекций, поступивших в течение года, публиковался. Он разделен на коллекции, полученные в дар, и на коллекции, полученные

посредством обмена или «приобретенные покупкой». Запись указывает от кого, что и откуда поступило. Номер, который можно увидеть при такой записи, представляет собой номер карточки, составлявшейся в двух экземплярах на каждое коллекционное поступление (Рис. 4). Система эта, введенная еще при Ф.Д. Плеске в 1894 г., просуществовала в Зоологическом музее до середины 1980-х гг. и состояла в следующем. При поступлении той или иной коллекции заполнялся бланк из двух одинаковых карточек. В левом верхнем углу каждой карточки проставлялся номер, в правом – дата. Далее следовала фраза «Поступило в Зоологический музей Императорской АН от такого-то», и содержалась информация о районе сбора, сборщике, характере поступления (покупка, дар, обмен) и обобщенное описание объема и таксономической принадлежности поступления. Бланк разрезался на две части, одна из которых оставалась в отделении, а вторая передавалась для подсчета поступлений по музею в целом и подшивалась в сводный каталог – книги форматом приблизительно 25×18 см. Каталог снабжался алфавитным указателем фамилий сборщиков. Таким образом, возникала ежегодная рукописная опись поступлений как по всему музею, так и по отделениям. Эти книги не только облегчали составление отчетов, но и сохраняли некоторую дополнительную информацию к лаконичной записи опубликованного перечня поступивших коллекций. Инвентарные книги за весь изучаемый период можно найти в Научном архиве Зоологического института (далее – ЗИН) РАН.¹⁵

Ведущим изданием музея была в это время «Фауна России и сопредельных стран преимущественно по коллекциям Зоологического музея Императорской (с середины 1917 г. – Российской) Академии наук», которая выходила в 1911–1923 гг. В этой серии к 1914 г. были опубликованы три тома Л.С. Берга по рыбам, вышедшие в 1911, 1912 и 1914 гг., два полутома В.Л. Бианки по птицам 1913 г., работы А.Н. Кириченко 1913 г. и А. К. Мордвилко 1914 г. по полужесткокрылым насекомым, Н.В. Куделина 1914 г. и А.К. Линко 1911 и 1912 гг. по гидроидам.¹⁶ Также публиковались тома «Ежегодника Зоологического музея ИАН», основная тематика которых была систематической и фаунистической.

№ 5 „12“ Марта 1925 г.

В Зоологический Музей Российской Академии Наук поступило от
Монгольской Экспедиции Г. К. Козлова. Сев. Монголия
Insecta.

	Кол-во	Всего	
		Руб.	Коп.
<i>Coleoptera</i>	2838.		
<i>Diptera</i>	1374.		
<i>Hymenoptera</i>	1173.		
<i>Lepidoptera</i>	2336.		
<i>Neuroptera</i>	40.		
<i>Trichoptera</i>	34.		
<i>Plecoptera</i>	28.		
<i>Agnatha</i>	3.		
<i>Mallophaga</i>	2.		
<i>Odonata</i>	40.		
<i>Orthoptera</i>	172.		
<i>Blattodea</i>	3.		
<i>Heteroptera</i>	1685.		
<i>Homoptera</i>	78.		
Примеч. <i>Всего 9809 экз.</i>			

Р. Г. А. Т. 9 кв. 12. — 2000 экз.

Рис. 4. Карточка поступлений. 1925 г. Научный архив ЗИН РАН (Ф. 1. Оп. 6. Д. 50. Л. 5). Сокращения см. Приложение 1.

Fig. 4. Card of registration of new collections. 1925. Scientific archive of ZIN RAS (Ф. 1. Оп. 6. Д. 50. Л. 5). For abbreviations see Appendix 1.

Активно использовался и Выставочный отдел музея (Рис. 5, 6). К довоенному 1913 г. общее число посетителей музея достигало 94 241, из них платных – 5328. Число воспитанников учебных заведений, посетивших музей в составе групп с педагогами, было 19546; сколько было отдельных посетителей – невозможно определить, поскольку в дни, когда публика допускалась бесплатно, их не считали; иногородних было 6947, военных нижних чинов – 7670 (Насонов [Nasonov] 1915: 1).

II. Зоологический музей в период войн и революций (1914–1922)

Первая Мировая война открывает целую череду потрясений, неблагоприятно сказавшихся на развитии Зоологического музея. Ее тягостные последствия спровоцировали социальный

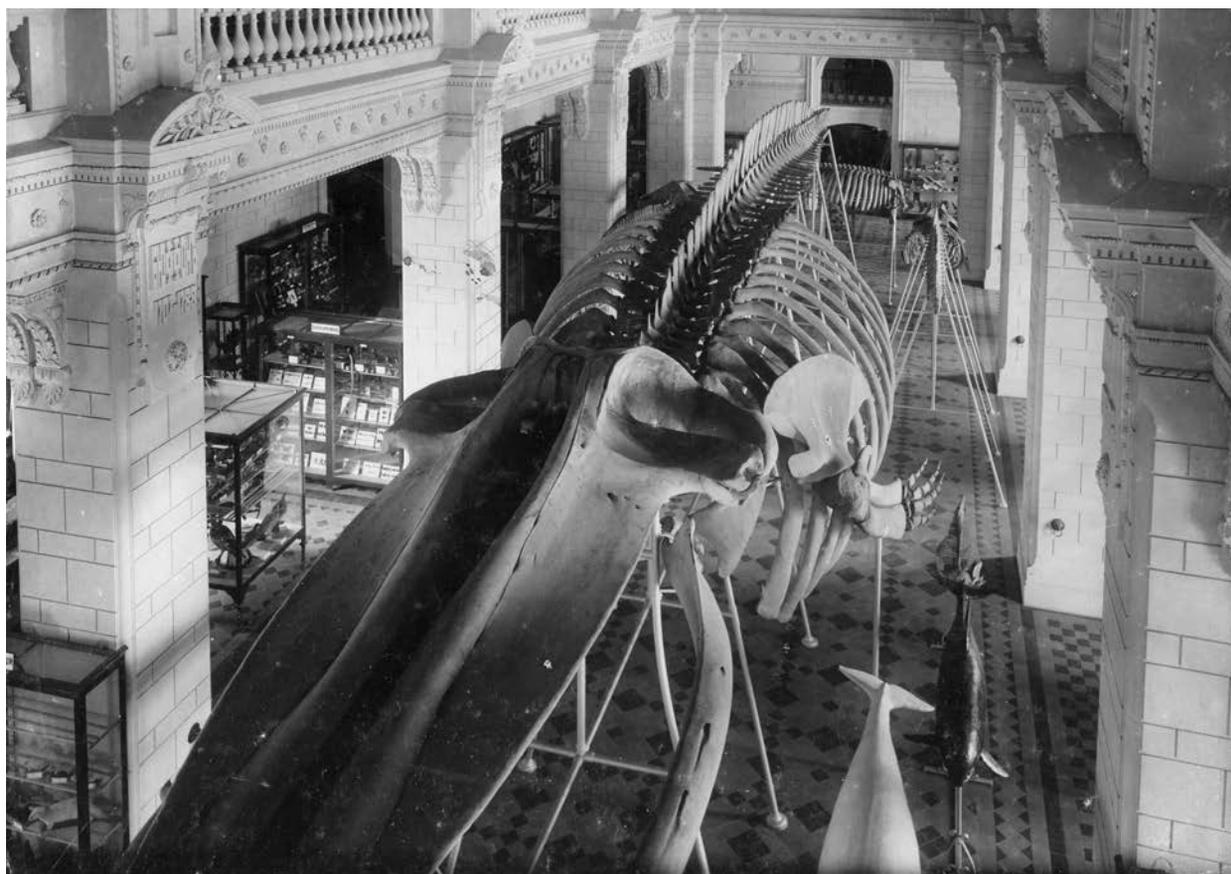

Рис. 5. Первый зал музея. Вид экспозиции до реорганизации 1930-х гг. Научный архив ЗИН РАН.

Fig. 5. First Hall of the Museum. Exhibition view prior to the reorganization of the 1930s. Scientific archive of ZIN RAS.

взрыв, породивший революционные события и Гражданскую войну¹⁷ в России. Можно процитировать С.Ф. Ольденбурга, прямо указывавшего в 1917 г. на эту связь: «Было бы малодушием не смотреть правде прямо в глаза и не признать теперь, что русский народ не выдержал великого исторического испытания и не устоял в великой мировой войне» (Ольденбург [Ol'denburg] 1917: 5). Потрясения войн и революций в течение длительного времени накладывали отпечаток на условия деятельности Зоологического музея. События этого периода вызвали череду последствий, которые условно можно разделить на научные, политические и социальные.

Прежде всего, война заставила сменить акценты в научной деятельности. Военные нужды побудили зоологов музея в особенной степени обратиться к изучению ресурсов страны и решению прикладных задач. С этой целью

в 1915 г. была основана при АН Комиссия по изучению естественных производительных сил России (Кольцов [Kol'czov] 1999). Деятельность ее изучена, и мы не будем на этом подробно останавливаться. Из сотрудников музея разных лет в этой комиссии трудились Л.С. Берг, В.В. Заленский,¹⁸ Н.М. Книпович, Н.В. Насонов, А.П. Семенов-Тянь-Шанский, А.С. Скориков, П.Ю. Шмидт. В основном – это были крупные ихтиологи. Об их попытке наладить промысел на Севере подробно писала Ю.А. Лайус ([Lajus] 2007).

Сами условия научной деятельности серьезно осложнились: существенно сократилось финансирование, прервались научные связи, прекратилось поступление свежей литературы, не только иностранной, но и русской. Крайне затруднительными стали условия опубликования научных работ из-за расстройств типограф-

Рис. 6. Часть второго зала музея до реорганизации 1930-х гг. (из Книпович [Knipovich] 1912).
Fig. 6. Part of the Second Hall of the Museum prior to the reorganization of the 1930s (from Knipovich 1912).

ского дела и недостатка бумаги. На заседаниях Физико-математического отделения Академии наук (далее – ФМО) не раз возникала фраза «невозможно по нынешним типографским условиям»¹⁹ или «положение Типографии очень тяжелое».²⁰ В 1919 г. Насонов высказывался, какое из двух изданий («Фауну» или «Ежегодник») предпочесть печатанием, раз уж оно оказалось так затруднено, но положение с опубликованием вообще неперемный секретарь признавал «критическим».²¹ «Ежегодник музея» не выходил в 1920–1922 гг. Не был опубликован также и общий отчет Академии наук за эти годы. Что происходило в музее, можно узнать лишь по материалам архива, где удалось обнаружить рукописи отчетов за 1921 и 1922 гг.,²² и отчасти по протоколам заседаний ФМО. Определенные сдвиги появились в деле печатания научных трудов только в 1922 г., то есть после окончания Гражданской войны. «Пять лет летаргии печатного слова» – такое выражение употреблено для этого периода в отчете за 1922 г.²³

Война и возникшие в этой связи ограничения для перемещения изменили доступные сотрудникам районы работ. «Близость к Петрограду боевого фронта, крайнее расстройство железнодорожного движения и почтовых сообщений и повсеместный недостаток пищевых продуктов аннулировал все попытки музея организовать экспедиции, а равно и большинство коллекторских экскурсий даже в мало удаленные от Петрограда местности», – сказано в отчете за 1919 г. (Ольденбург [Ol'denburg] 1920: 81). Конечно, сотрудники стремились посещать хотя бы доступные районы. Так, в течение этих лет музей планировал: 1) стационарное фаунистическое исследование Петроградской губернии и 2) исследование фауны пресноводных бассейнов Олонецкой и Архангельской губерний по так называемой линии Левена (там же: 112). Первое направление ознаменовалось «существенным пополнением списков фауны Петроградской губернии почти по всем группам животного царства» (там же: 112).²⁴ Вторую из задач, как

отмечено в отчете за 1922 г., удалось «в значительной мере выполнить»,²⁵ благодаря инициативности возглавлявшего работы Г.Ю. Верещагина. Правда, добраться в районы работ и тут не всегда было возможно. В 1919 г. на одном из заседаний ФМО обсуждали сообщение Отдела учебных учреждений и высших учебных заведений Наркомпроса о том, что «ввиду происходящих в районе между Онежским озером и Белым морем военных действий, научная экспедиция в этот край представляется несвоевременной».²⁶ Несмотря на невозможность широкой экспедиционной и экскурсионной деятельности, в 1921 г. удалось организовать несколько командировок в пределах северо-западной России. Так, В.В. Редикорцев работал в составе Беломорской партии Северной научно-промысловой экспедиции Академии наук. В составе Олонецкой экспедиции Гидробиологического института на озерах Олонецкой и Архангельской губерний трудились А.М. Дьяконов, Г.Ю. Верещагин, Н.Н. Филиппев, Е.Н. Покровская, А.Н. Федорова, Н.И. Верещагина. В пределах Петербургской губернии трудились Г.Г. Якобсон и В.В. Баровский. С.К. Приходко командировался в Невельский уезд Витебской губернии, М.А. Колин – в Новгородскую губернию,²⁷ но, конечно, ни в какое сравнение с довоенным размахом работ в отношении охвата территорий это не шло.

С началом войны был мобилизован технический персонал, причем служители были мобилизованы поголовно, о чем свидетельствует попытка освободить от призыва Ивана Алексеевича Туркина, состоявшего в должности рассыльного при музее, «ввиду того, что за исключением него, весь состав старых служителей был взят на войну и заменен менее надежным и приспособленным». И.А. Туркин, прослуживший в музее 24 года, к 1917 г. был единственным, на кого администрация могла возложить ответственные поручения «по отправке и получению денег и ценностей, а равно и драгоценных в научном отношении коллекций».²⁸ Сведения о мобилизованных служителях можно найти в «Списке служителей с датами зачисления и увольнения» из архива РАН.²⁹ Напротив многих фамилий написано – мобилизован, и представлена дата. Что касается научного персонала, то он, судя по отчетам, продолжал работать в полном составе.

Была потеряна связь с некоторыми сотрудниками, среди которых оказался, например, А.С. Скориков (Рис. 7). Как выяснил Ю.А. Песенко, в октябре 1918 г., будучи с семьей в Анапе, он заболел тяжелой формой сыпного тифа, вызвавшего осложнения (Песенко [Pesenko] 2001: 754). На одном из заседаний Совета музея «ввиду возобновления сношений с Черноморским побережьем» был решено выяснить, вернется ли он на работу.³⁰ Однако вскоре оказалось, что «почтовые сношения с гор. Анапой еще не налажены».³¹ На заседании Совета музея 28 сентября 1920 г. было доложено о проведенном обыске и выемке вещей, находившихся в опечатанной комнате в здании Зоологического музея, принадлежавших А.С. Скорикову и Я.К. Альструверу. В конце года А.С. Скориков был отчислен «ввиду того, что уже 2 года находится в отсутствии и никаких сведений о нем не имеется».³² Он вернулся только в 1923 г. и был зачислен в музей на должность сначала препаратора, а в 1925 г. – ученого хранителя, заведующего отделением Hymenoptera. 5 ноября 1918 г. Зоологический музей сообщал в Правление Академии наук список служащих музея, не имевших возможности своевременно вернуться в Петроград, среди которых значился, например, А.Н. Кириченко, вернувшийся к исполнению своих обязанностей 18 декабря 1918 г.³³

Фактически постоянно отсутствовал в Петрограде директор академик Н.В. Насонов. Поводом для его отсутствия были запрашиваемые им командировки по изучению турбеллярий. Он покидал музей надолго и раньше. В 1914 г. на время своего отъезда с 25 мая по 25 августа (фактически все лето) он оставлял заведование музеем Г.Г. Якобсону и В.Л. Бианки.³⁴ Впрочем, по три месяца хотели быть в отпуске в этом же году и А.А. Бялыницкий-Бируля с Н.Н. Аделунгом (по Положению о музее им полагалось полтора).³⁵ В 1917 г. Насонов попросился на Кавказ «для продолжения ...исследований по фауне пресноводных Turbellaria русской фауны и для собирания материалов вообще по пресноводной фауне Кавказа, в особенности Черноморского побережья, <...> с 24 сентября 1917 по 31 марта 1918 года».³⁶ Эту командировку он потом просил продлить на три месяца, ссылаясь на то, что наибольшее развитие Turbellaria «обыкновенно

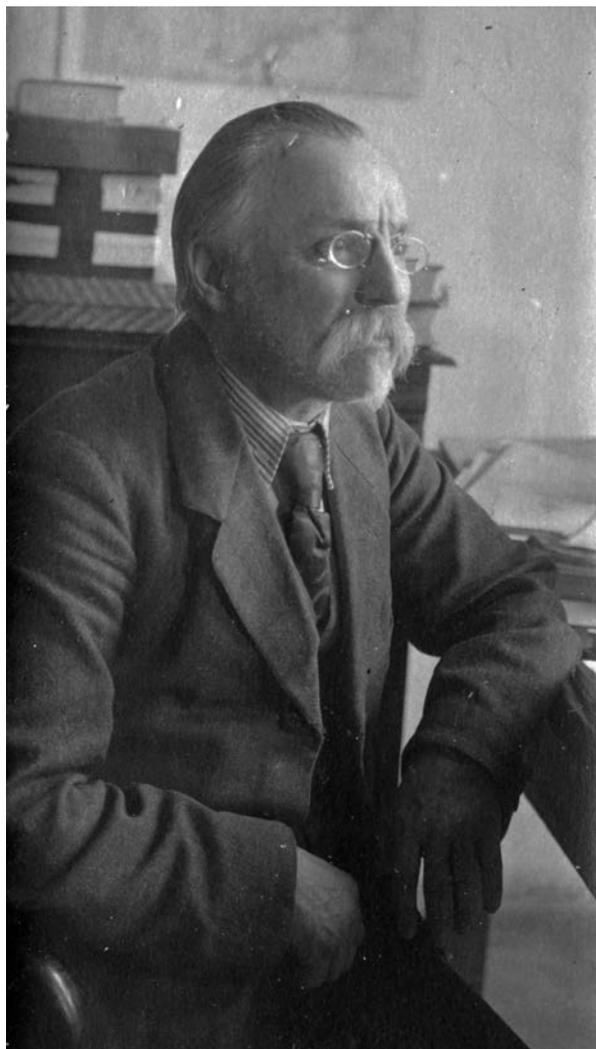

Рис. 7. Александр Степанович Скориков (1871–1942). Из альбома О.М. Мартыновой. Научный архив ЗИН РАН.

Fig. 7. Aleksandr Stepanovich Skorikov (1871–1942). From the album of O.M. Martynova. Scientific archive of ZIN RAS.

происходит в весенние месяцы».³⁷ 29 сентября 1918 г. он просит командировать его в г. Орлов Вятской губернии до 1 января 1919 г. чтобы закончить начатые летом исследования по фауне турбеллярий³⁸ и сделать наблюдение над появлением второго поколения одного из видов турбеллярий.

Желание директора не находиться в Петрограде ни в 1917, ни в 1918³⁹, ни (особенно) в 1919 г. можно понять, но оно в конце концов начало раздражать сотрудников, реально вы-

полнявших обязанности по управлению музеем в это сложное время, о чем можно судить по следующему заявлению от 22 октября 1918 г.: «Осведомившись о том, что часть вознаграждения, причитающаяся за заведование музеем, в размере 208 р. 33 коп. в месяц (2500 рублей в год), согласно смете Зоологического музея на 1918–19 гг., выдается находящемуся в командировке Директору, а не лицу, его заменяющему и фактически исполняющему его обязанности, Совет обращается в Правление Академии с просьбой об удержании соответственного вознаграждения и о передаче его фактическим заместителям как впредь, так и за прошедшее время отсутствия Директора Зоологического музея Н.В. Насонова».⁴⁰

В 1919 г. Насонов просил командировать его со студентами-помощниками Арсением и Всеволодом Насоновыми сначала в Лужский уезд,⁴¹ потом с 22 мая по 1 сентября 1919 г. – в Саратовскую губернию,⁴² потом просил продлить командировку еще на 4 месяца,⁴³ но Академия уже не пошла, видимо, на это, и дала ему два месяца отпуска для лечения, по истечении которых Насонов хотел оставаться еще до 1 января, ссылаясь на заболевание, но тут столкнулся уже с тем, что «Конференция затруднялась выполнить его просьбу».⁴⁴ В энциклопедии, посвященной биологии в Санкт-Петербурге, сказано, что в 1918–1919 гг. (Колчинский [Kolchinskii] 2011: 325), Насонов был профессором Саратовского университета. Даже общий музейный отчет за 1917 г., который он докладывал 23 марта 1919 г. Отделению физико-математических наук, составлял В.Л. Бианки (Рис. 8). Э.И. Колчинский упоминает Н.В. Насонова в небольшой главке, обозначенной как «Академическая эмиграция», начинающейся со слов: «далеко не все академики готовы были сотрудничать с большевиками» ([Kolchinskii] 2003с: 406). Кроме того, Насонов как морфолог в меньшей степени был связан с необходимостью находиться в Петрограде, чем другие сотрудники, обрабатывавшие музейные коллекции. В 58 заседании Совета Зоологического музея 27 января 1919 г. заместителем директора музея был избран А.А. Бялыницкий-Бируля.⁴⁵ В 1921 г. Н.В. Насонов оставил службу в музее⁴⁶ ради Лаборатории экспериментальной зоологии, и исполняющим обязанности директора был назначен старший зоолог А.А. Бя-

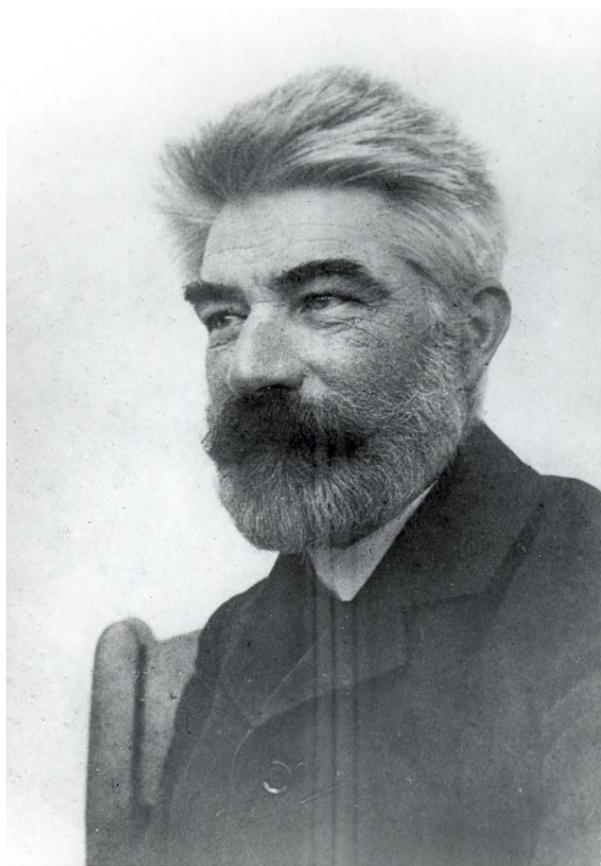

Рис. 8. Валентин Львович Бианки (1857–1920), возглавлявший Совет музея в 1917–1918 гг. Научный архив ЗИН РАН.

Fig. 8. Valentin Lvovich Bianchi (1857–1920), who headed the Museum Council in 1917–1918. Scientific archive of ZIN RAS.

лыницкий-Бируля (1864–1937) (Рис. 9), впоследствии (с 1923 г.) член-корреспондент РАН. Он был утвержден в этой должности общим собранием согласно избранию ФМО только 3 декабря 1927 г. (Ферсман [Fersman] 1928. Part 1: 134), поскольку в послереволюционные годы управление музеем находилось в руках Совета музея, о котором будет сказано ниже.

На заседаниях ФМО обсуждались и аресты. Отношением от 23 декабря 1919 г. А.А. Бялыницкий-Бируля ходатайствовал за арестованного в Луге бывшего библиотекаря музея Юлия Ивановича Бекмана, находившегося в заключении в Петрограде, в Дерябинских казармах на Васильевском острове. С представителями правительства по этому поводу связывался академик И.П. Бородин, и Ю.И. Бекман был отпущен.⁴⁷

Военное и революционное время замедлило рост коллекций и изменило характер работы с ними. Первые жалобы на «неблагоприятные условия переживаемого времени» появляются в отчете за 1916 г. (Насонов [Nasonov] 1922: 1). В отчете за 1917 г. указывается уже на резкое сокращение поступлений «вследствие переживаемого Россией тяжелого времени» (Бианки [Bianki] 1922: 88). В 1917 г. в коллекцию музея поступило в 2.8 раза меньше экземпляров, чем в 1913 (лишь 74024), однако вскоре новые поступления практически прекратились. Так, в 1921 г. в отделение млекопитающих поступило всего девять, а в герпетологическое – пять экземпляров. Из-за остановки в сборе новых материалов была усилена работа, направленная на научную разработку, каталогизацию и приведение в надлежащий порядок тех коллекций, которые имелись (Ольденбург [Ol'denburg] 1920: 82). Однако препятствием к этому было отсутствие спирта, формалина, поваренной соли, квасцов, картофельной муки, дезинфицирующих веществ и других предметов и материалов, необходимых для разборки и сохранения коллекций. Желание не сидеть, сложа руки, привело к тому, что по мере технических возможностей силы сотрудников направлялись «на разработку... демонстративных коллекций в выставочном отделе музея в целях увеличения его культурно-просветительского значения».⁴⁸ В лаборатории за отсутствием спирта монтировали скелеты.

Не только сократилось поступление новых коллекций, но и имевшиеся коллекции подвергались серьезной угрозе. В октябре 1917 г., после сдачи Риги и Корниловского мятежа, немцы оказались на подступах к городу. С пометой «очень ценные документы», сделанной рукой С.А. Зернова, хранится папка с материалами об экстренных заседаниях Совета музея, посвященных обсуждению эвакуации зоологических коллекций. Экстренные заседания были связаны с предпринимавшимися вплоть до октября 1917 г. попытками эвакуации из Петрограда Академии в целом (Романовский [Romanovskii] 1999: 134), или, как их еще называют в документах, – «разгрузки Петрограда от лиц и учреждений, которые могут продолжать свою деятельность и вне Петрограда».⁴⁹ Кое-какие сведения об

Рис. 9. Член-корреспондент Академии наук Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864–1937), исполняющий обязанности директора Зоологического музея в 1921–1927 гг., директор с 1927 по 1929 г. Из альбома О.М. Мартыновой. Научный архив ЗИН РАН.

Fig. 9. Corresponding Member of the Academy of Sciences Aleksei Andreevich Byalynitskii-Birulya (1864–1937) the Acting Director of the Zoological Museum in 1921–1927, Director in 1927–1929. From the album of O.M. Martynova. Scientific archive of ZIN RAS.

этом сохранились на страницах протоколов заседаний ФМО. В организации эвакуации принимал участие Совет «Союза служащих Академии наук», который в заседании 7 сентября 1917 г. учредил специальную Эвакуационную комиссию.⁵⁰

Первые обсуждения в Совете музея прошли, видимо, еще при Н.В. Насонове, однако на заседании ФМО, состоявшемся 27 сентября 1917 г., уже зачитывалось только его письмо на имя президента АН, где он сообщал, что «по обсуждении вопроса об эвакуации Зоологического музея Академии наук совместно с гг. заведующими отделениями его, было признано возможным сделать частичную эвакуацию его, т.е. эвакуацию наиболее ценных в научном отношении и имеющих особую рыночную ценность предметов, которые достаточно портативны и могут подвергаться наименьшей опасности быть попорченными в дороге. Ввиду необходимости сделать такого рода эвакуацию, эвакуируемые

предметы могут быть направлены в Московский университет по предварительному с ним соглашению, причем предметы перевозятся в особых купе пассажирских вагонов и в особых багажных (или товарных) вагонах, прицепляемых к пассажирским (лучше скорым) поездам и сопровождаются одним или несколькими служащими музея. Для выполнения такого рода эвакуации необходимо исхлопотать минимум 10–12 вагонов, предоставляемых по 1 или по 2 вагона в различное время по соглашению с Зоологическим музеем. Для выяснения сроков подачи вагонов, а также для выяснения всякого рода технических вопросов по эвакуации и размера потребных на этот предмет средств, образована комиссия из трех зоологов музея А.А. Бирули, Г.Г. Якобсона и Г.Ю. Верещагина В эту комиссию должен входить также Директор музея или его заместитель».⁵¹ Правда, передав в этом же заседании на время командировки право подписи в печать «Ежегодника» и «Фауны»

С.Ф. Ольденбургу, а председательство – в Комиссии по изучению Байкала И.И. Бородину,⁵² сам Н.В. Насонов покинул Петроград⁵³ и дальше во главе музея остался В.Л. Бианки.

Вот некоторые темы, обсуждавшиеся уже на экстренных заседаниях совета после отъезда директора. 7 октября 1917 г. состоялось 3-е заседание,⁵⁴ на котором обсуждались планы эвакуации музея и служащих. Из материалов ясно, что велись переговоры с Зоологическим музеем Московского университета и Зоологическим кабинетом сельскохозяйственного института в Петровско-Разумовском о «месте для помещения... наиболее ценной части музейской коллекции».⁵⁵ Музей Московского университета ответил о «неимении препятствий» в размещении коллекций «в объеме около 70-ти куб. сажен».⁵⁶

Кроме того, решением этого же заседания совета В.Л. Бианки был направлен представителем музея на заседание у начальника военных сообщений. Начальник военных сообщений приглашал 8 октября 1917 г. принять участие в работе Комиссии по эвакуации музеев, библиотек и художественных предметов, хранящихся в правительственных учреждениях, соборах, церквях, монастырях и проч., организованной при Комитете по составлению плана эвакуации Петрограда и заседавшей на Итальянской ул., д. 17.⁵⁷ Бианки должен был ходатайствовать о предоставлении для эвакуации музея 80 вагонов в несколько очередей, причем первые пять вагонов желательно было получить через две недели, вторые – через четыре недели и т. д. А.А. Бялыницкому-Бируле поручалось выяснить, где помещается и в каком количестве имеется упаковочный материал, приобретенный на случай эвакуации. В.Л. Бианки и Г.Г. Якобсона было решено направить в качестве представителей от музея на заседание Союза служащих, посвященное вопросу об эвакуации личного состава служащих Академии и состоявшегося также 8 октября.

Четвертое экстренное заседание Совета Зоологического музея РАН проходило 11 октября 1917 г.⁵⁸ Совет Союза служащих Академии предложил ответить на вопрос о желательности эвакуации вообще. Поскольку обстановка была крайне не стабильной, было решено следующее: «Принимая во внимание, что для сохранности

коллекций опасность, грозящая им от эвакуации больше, чем при оставлении в Петрограде (постановлено, против 3-х воздержавшихся...) единогласно принято произвести в музее эвакуацию лишь особо ценных единичных предметов по каждому отделению».⁵⁹ В этом заседании совета участвовали В.Л. Бианки в качестве председателя, А.А. Бялыницкий-Бируля, А.М. Дьяконов, А.Н. Кириченко, В.А. Линдгольм, В.В. Редикорцев, П.Ю. Шмидт, Г.Г. Якобсон, В.С. Пергамент и С.К. Приходко при секретаре Г.Ю. Верещагине. Присутствовал и не работавший в этот период в музее Л.С. Берг.

Журнал 6-го заседания Совета музея от 16 октября 1917 г.⁶⁰ содержит продолжение обсуждения планов эвакуации, в частности о предоставлении заведующими отделениями сведений о количестве назначенных к эвакуации коллекций. Здесь обсуждается также идея направить Н.Н. Аделунга в Бельгийское посольство, чтобы разузнать, «что сделали германцы с бельгийскими естественно-историческими музеями».⁶¹ Судя по другим материалам СПФ АРАН, это поручение Н.Н. Аделунгом было выполнено. В письме от 19 октября 1917 г. в Бельгийское посольство, подписанном за директора музея исполнявшим его обязанности старшим зоологом В.Л. Бианки, содержится просьба «назначить время для приема представителю музея, имеющему навести некоторые справки по делам, крайне интересующим музей в связи с текущими событиями».⁶²

Заведующим отделениями было предложено указать наиболее ценные объекты. 19–23 октября датированы ответы П.Ю. Шмидта, В.А. Линдгольма, А.А. Бялыницкого-Бирули, Г.Г. Якобсона, А.Н. Кириченко, В.В. Редикорцева и Г.Ю. Верещагина на вопрос, что именно желательно эвакуировать.⁶³ Некоторые заведующие вообще не предложили никаких материалов к эвакуации. О состоявшемся решении 8 ноября В.Л. Бианки информирует ФМО: «Имею честь довести до сведения отделения, что ввиду значительной опасности, сопряженной с эвакуацией коллекций музея, Совет музея единогласно принял решение произвести эвакуацию лишь особо ценных единичных предметов по каждому отделению. За директора музея В. Бианки».⁶⁴ Однако и особо ценные материалы, судя по все-

му, остались на месте, чему способствовала уже не столько военная, сколько революционная нестабильность.

О том, что служащие музея приняли решение не эвакуировать коллекции, стало известно Ф.Д. Плеске, который, возражая против такого «неудачного», как он считал, решения, написал в Академию из Владикавказа письмо, где дал подробный план, что, куда и как можно было бы перевезти.⁶⁵ В качестве места возможной эвакуации он указывал Томский университет или же обширные пакгаузы в Нижнем Новгороде на Сибирской пристани. В письме сквозит опытность практического работника, недооценивавшего, впрочем, общую обстановку, которую из Петрограда было видно яснее. Отвечая 8/21 февраля 1918 г. на письмо Ф.Д. Плеске, обеспокоенного судьбой «драгоценных коллекций Зоологического музея»,⁶⁶ Совет музея дал следующее заключение: «Идея более или менее полной эвакуации была оставлена в связи с улучшившейся военной конъюнктурой, но осенью истекшего года [1917 – НВС.] возникла идея о частичной эвакуации <...> Октябрьские события совершенно изменили мнение Совета музея о целесообразности какой бы то ни было эвакуации. Разграбление коллекций Юрьевского университета и Юрьевского ветеринарного института в пути, обстрел Зоологического музея Московского университета, при чем пострадала часть коллекций, уничтожение Иркутского музея, необеспеченность порядка вообще ни в одном центре, куда можно было бы направить эвакуируемые коллекции, заставили Совет музея прийти к убеждению, что оставление коллекций на месте является, в конце концов, все же наилучшим их обеспечением, даже в случае завоевания столицы неприятелем. По имеющимся сведениям, последний мало обращает внимания на подобного рода институты, по крайней мере, зоологические музеи Бельгии остались неприкосновенными».⁶⁷

Аргументируя свое решение, Совет музея указывает на обстоятельства, в которых приходилось действовать: «Совету кажется, что, предлагая свой план эвакуации, Ф.Д. Плеске недостаточно учитывает современную конъюнктуру, и не принимает в расчёт, что теперь нельзя получить ни громадной суммы денег, которой требует почти полная эвакуация, ни

значительного количества необходимых для нее рук, ни перевозочных средств на местах эвакуации и водворения коллекций, ни надежной охраны в пути, ни достаточного количества подвижного состава на железных дорогах. Автор плана как будто забывает то обстоятельство, что сейчас нет даже правильно функционирующих государственных учреждений, к которым можно было бы обращаться с необходимыми на каждом шагу ходатайствами, а главное, недостаточно взвесил тот вред коллекциям, который неизбежен при массовой упаковке и перевозке, и тот громадный риск, которому подвергнутся коллекции как в пути, так и на месте будущего хранения».⁶⁸

Опасности подверглись не только музейные собрания, но и коллекции, посланные в обработку, а также и ценные частные собрания. Академию, например, в 1914 г. беспокоила судьба ископаемых позвоночных из Пермских отложений, посланных на обработку в Варшаву профессору В.П. Амалицкому.⁶⁹ Некоторые частные коллекции высокой научной ценности, проданные их владельцами, были приобретены в это время для музея. Музей выступал также с ходатайствами о национализации некоторых ценных коллекций. Так, в 1920 г. было решено возбудить ходатайство о национализации лепидоптерологической коллекции В.П. Веселовского,⁷⁰ энтомологической коллекции С.Н. Родионова, находившейся в Иркутске,⁷¹ коллекции охотничьих трофеев великого князя Николая Михайловича.⁷² В 1922 г. в музей попала обширная национализированная коллекция палеарктических *Lepidoptera* А.Н. Авинова, насчитывавшая около 50000 экз.⁷³ Таким же образом в библиотеку музея попали некоторые частные книжные собрания.

В материалах, посвященных послереволюционным годам, неоднократно попадают сведения о хищениях. Так, 17 ноября 1920 г. в ихтиологическом отделении были похищены спиртовые коллекции, а из выставочного отдела исчезли сухие раковины.⁷⁴ 9 февраля 1921 г. были похищены через форточку 4 большие банки с рыбами, «причем сами объекты нашлись».⁷⁵ Рыбы в это время хранились в цокольном этаже здания, и воров, видимо, интересовал спирт. Кражи происходили и в герпетологическом отделении.⁷⁶ Под подозрение попадали даже

сотрудники. Так, на заседании Совета музея в 1920 г. рассматривалось поведение сотрудницы музея, продававшей бутылку водки на Андреевском рынке и замеченной за этим занятием одним из служащих. Назначенное расследование показало, однако, что эта бутылка была собственностью продававшей.⁷⁷

Уже в 1918 г. в значительной степени сократилась просветительская деятельность музея, посещаемость уменьшилась почти в 30 раз, однако «всякий раз, по миновании непосредственной опасности» для сохранности музея, он «по мере возможности допускал в свои стены всех, стремящихся к знанию, широкую публику и школу – в залы Выставочного отдела, а научных работников – в свои лаборатории и научные отделения», – сказано в отчете за 1918 г. (Ольденбург [Ol'denburg] 1919: 78). «Число посетителей Выставочного отдела музея с 15 ноября 1917 г. по 15 ноября 1918 г. было 3383 человека» против 94241 человек в 1913 г. что, как сказано в отчете, было вызвано «общими причинами, находившимися в связи с переживаемым временем» (Ольденбург [Ol'denburg] 1919: 81). Следующие годы, 1919–1921, не принесли какого-либо существенного улучшения. Выставочный отдел в 1921 г., например, был закрыт для публики «на время сильных холодов (с 15 янв.), делавших опасным для здоровья служащих выполнение служебных обязанностей в помещении, где температура была ниже -8° ».⁷⁸ Его удалось открыть только в середине мая. За 1921 г. его посетило 17966 человек (там же). Вместе с тем, Зоологический музей участвовал в проходившей 11–17 февраля 1919 г. в Малахитовом зале Дворца искусств (бывшего Зимнего дворца) Первой всероссийской конференции по делам музеев. От Зоологического музея был командирован П.Ю. Шмидт, сделавший пленарный доклад, известный в пересказе Закс ([Zaks] 1982). Его доклад был посвящен просветительной деятельности музеев, что свидетельствует об исключительно большом значении, которое ей придавалось. Сколько раз в неделю, и на каких основаниях открывали музей для посетителей в первые послереволюционные годы – сказать трудно. В 1919 г. музей получил от Отдела внешкольного образования при Комиссариате народного просвещения отношение с просьбой открывать музей во все дни недели, а также в

воскресные и праздничные дни. Совет музея постановил принять это к исполнению при том, что «один день в неделю должен быть предназначен для чистки выставочных зал».⁷⁹ Вопрос этот входил в компетенцию Конференции АН, которая не возражала. В 1919 г. обсуждался платный день – среда – брать или не брать за вход 25 коп.⁸⁰ В некоторых отчетах более позднего времени сказано, что «Выставочный отдел был открыт для публики в течение всего года три раза в неделю» (Комаров [Komarov] 1930: 134). Отчет за 1930 г. прибавляет: «как всегда» (Волгин [Volgin] 1931: 190). Так что, видимо, музей в эти годы работал три раза в неделю.

К политическим последствиям можно отнести изменения в характере управления музеем, начавшиеся сразу после свержения власти императора. Зоологический музей получил от неперменного секретаря приказ «бывшую Императорскую Академию наук именовать Российской» 2 августа 1917 г.⁸¹ Как постепенно и везде в стране, в музее была установлена Советская власть. До 1917 г. основополагающим документом, по которому строилась его работа, было «Положение о музее», принятое в 1895 г. (Слепкова [Slepikova] 2001). К 1917 г. были сделаны только некоторые поправки в штатном расписании. В 1917 г., после Февральской революции, единоличная власть директора сменяется более демократичными формами правления. Во главе учреждения становится Совет музея, уже упоминавшийся выше неоднократно. Решение это было принято 15 мая 1917 г. в качестве постановления конференции и обсуждалось Комиссией директоров академических музеев, однако выработка текста нового Положения затянулась. 11 октября 1917 г. В.Л. Бианки, исполнявший обязанности директора, сообщал в ФМО: «Имею честь довести до сведения Отделения, что в Зоологическом музее начал функционировать под моим председательством «Совет музея» в составе его ученого персонала и, впредь до выработки Положения о Советах, при одном делегате от института помощник зоологов и одного от лаборатории, с совещательным голосом».⁸² Следует напомнить, что на период начала революционных событий Октября на месте отсутствовал директор Н.В. Насонов, находившийся в длительной командировке, почему о начале работы совета и

сообщал именно В.Л. Бианки, который и стоял во главе совета во все тревожное время осени 1917 г. и вплоть до лета 1918 г. В дальнейшем, до возвращения директора, в совете председательствовали поочередно старшие зоологи музея. Впрочем, еще до своего отъезда, Н.В. Насонов создание совета одобрил: «устройство Совета при Зоологическом музее Академии наук и на тех основных положениях, которые были выработаны в Комиссии Директоров в мае, я нахожу возможным»⁸³ – сообщалось ФМО на заседании 27 сентября 1917 г.

Совет музея, таким образом, начал действовать еще до Октябрьской революции и был реакцией на Февральскую революцию в России.⁸⁴ Когда такой совет возник впервые, он состоял только из штатного ученого персонала. В течение первой половины 1918 г. совет музея выработал новую редакцию проекта, по которой в его деятельности предполагалось участие выборных представителей от штатного и вольнонаемного технического персонала. Этот проект, опубликованный в качестве приложения в протоколах заседаний Физико-математического отделения РАН,⁸⁵ предполагал коллегиальное решение всех важнейших вопросов, связанных как с научной, так и с финансовой деятельностью музея, и был подчеркнута демократичным. В архиве сохранился также не датированный машинописный «Проект положения о Совете Зоологического музея РАН».⁸⁶ В нем говорится: «При Зоологическом музее Российской академии наук состоит Совет, образующийся под председательством заведующего музеем и при участии академиков Физико-математического отделения Академии наук, из лиц штатного ученого персонала и выборных представителей от коллектива постоянных ученых сотрудников и от штатного и вольнонаемного технического персонала музея».⁸⁷ В примечании сказано, что «настоящее положение издается в изменение и дополнение Положения о Зоологическом музее Академии наук 13 марта 1895 г.» (там же). На заседании ФМО 4/17 апреля 1918 г. В.Л. Бианки просил от имени Совета музея впредь до выработки и утверждения Конференцией окончательного «Положения», разрешить пользоваться совету тем «Положением», которое было представлено.⁸⁸ В 1918 г. совет имел 34

очередных и три экстренных заседания. Заседал он по понедельникам. Обязанности директора и председателя Совета музея в течение 1918 г. поочередно исполняли В.Л. Бианки, А.К. Мордвилко, В.В. Редикорцев, Н.Я. Кузнецов, Г.Г. Якобсон, А.А. Бялыницкий-Бируля. Секретарем совета был младший зоолог Г.Ю. Верещагин (Ольденбург [Ol'denburg] 1919: 78–79).

Доработка «Положения о Совете музея» шла в течение нескольких лет и была закончена только к 1920 г. Так, 22 января 1919 г. его рассматривали на 57 экстренном заседании Совета музея, специально посвященном пересмотру проекта «Положения о Совете Зоологического музея РАН».⁸⁹ В июне 1920 г. «Положение» было доложено А.А. Бялыницким-Бирулей в окончательной редакции для внесения его на рассмотрение Комитета по ученым учреждениям РАН.⁹⁰ Параллельно рассматривались положения и других учреждений. О принятии проекта «общих положений, касающийся Советов учреждений» на заседании Комитета по ученым учреждениям РАН А.А. Бялыницкий-Бируля докладывал на Совете музея 6 декабря 1920 г.⁹¹ Действовал Совет музея до 1930 г. Об этом вспоминал С.А. Зернов на торжественном собрании в честь 20-летия Великой Октябрьской Революции: «С 1917 г. до 1930, т.е. 13 лет, ЗИН управлялся Советом».⁹²

К политическим последствиям революционных событий можно отнести, помимо описанных выше изменений, также и сильнейшее идеологическое давление со стороны новых властей, о чем будет сказано позже.

Существенными были и социальные последствия революционных событий. Деятели науки стали одной из самых гонимых социально-профессиональных групп населения (Ревякина и Селезнева [Revyakina and Selezneva] 1994: 931). Революция заставила устроиться на работу в музей многих специалистов, сотрудничавших с музеем и утративших из-за революционных событий средства к существованию. В течение 1918 г. в состав Зоологического музея был принят, например, А.П. Семенов-Тянь-Шанский (Рис. 10).⁹³ Семья Семеновых-Тянь-Шанских владела на Васильевском острове доходными домами, занимаясь благотворительностью, теперь же числиться на службе становилось необходимостью. Для принятых в 1918 г. был

введен новый разряд – «постоянные ученые сотрудники». В него оказались зачисленными В.В. Баровский, А.П. Семенов-Тянь-Шанский, Ф.Д. Плеске, А.В. Шестаков, В.К. Солдатов. Не удалось обнаружить документа, законодательно увеличивавшего штаты в этот период времени в Академии наук, однако на начало 1917 г. общее число работников музея по отчетам составляло 40 человек; за 1917 г. оно сократилось на двух сотрудников (умер Н.Н. Аделунг и оставила службу письмоводитель Э.А. Вильмс), а на начало 1919 г. составляло уже 51 человек. Изменения в штатах были произведены по постановлению Совета музея, по крайней мере, так сказано в отчете. Люди, принятые в музей в 1918 г., активно работали в зоологии и раньше.

Революционные события 1917 г. стали лишь началом череды потрясений, которые пришлось пережить сотрудникам. В стране вскоре возник острый недостаток продовольствия. Остановились многие заводы и фабрики. Декретом Советской власти с 1 октября 1918 г. были отменены ученые степени и звания. В декабре 1918 г. введена общая трудовая повинность. Трудности сказались на положении ученых: над ними висела угроза физического уничтожения. В списке ученых, погибших в 1917–1921 гг. значились 178 фамилий (Колчинский Э.И. [Kolchinskii] 2003а: 428). Умерли многие академики. Такая участь постигла на 71-м году жизни бывшего директора музея В.В. Заленского, скончавшегося в Севастополе в 1918 г. после четырехмесячной очень тяжелой болезни сердца.⁹⁴ В указанный период ушли из жизни двое сотрудников музея: Н.Н. Аделунг (в возрасте 60 лет) в 1917 г. и В.Л. Бианки (в возрасте 63-х лет) в 1920 г. Бианки скончался от воспаления легких, будучи истощен и не имея возможности получить медицинскую помощь (Бианки [Bianki] 2008: 81), причиной смерти Аделунга названа в некрологе грудная жаба (Якобсон [Jakobson] 1922: I), однако понятно, что факторами, ускорившими их кончину, были «обстоятельства текущего момента».

Ученые неоднократно обращались в правительство с жалобами на тяжелейшее положение, на острый недостаток в продовольствии и одежде. В 1919 г. Совнарком принял решение «Об улучшении положения научных специалистов»: 23 декабря 1919 г. был подписан

декрет о создании Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ). 13 января 1920 г. было создано Петроградское отделение во главе с Горьким (ПетроКУБУ) (Романовский [Romanovskii] 1999: 149), располагавшееся в бывшем дворце великого князя Владимира Александровича, известном ныне как Дом ученых. Полномочным представителем от Зоологического музея в ПетроКУБУ был назначен Г.Г. Якобсон (Рис. 10).⁹⁵ Он вел переговоры относительно нужд сотрудников с Тройкой по продовольствию. Появилась возможность получать пайки, но этими пайками не были обеспечены все работающие. На заседании Совета музея от 2 января 1920 г. решался вопрос о составлении списков на право получения новых продовольственных пайков, где предлагалось перечислить 1/3 наличного состава работавших (15 человек).⁹⁶ Баллотировка происходила закрытой подачей голосов. Техническому персоналу музея в получении пайков было отказано.⁹⁷ Позже составлялись дополнительные списки, в которых были учтены вдовы зоологов.

Чтобы спасти технический персонал, некоторых из них в 1919 г. зачислили в низшие разряды научных сотрудников, однако в 1921 г. Комиссия по сокращению штатов от Управления научными учреждениями Академического центра решила отчислить от службы 16 человек, исполнявших преимущественно научно-техническую работу при отделениях и вспомогательных учреждениях музея. Это был тот самый технический персонал, с разрешения ФМО «в тяжелом 1919 г. зачисленный в низшие разряды научных сотрудников только вследствие справедливого и гуманного желания скольконибудь улучшить материальное положение этой части технического персонала музея, которая не могла рассчитывать на получение ученого пайка и потому принуждена была существовать в крайне тяжелых жизненных условиях, угрожавших здоровью и жизни».⁹⁸ Под сокращение попали О.М. Александров, Р.И. Виркетис, Т.И. Верещагина, О.М. Зигель, А.А. Кожина, В.И. Млокосевич, Т.С. Пергамент, Л.П. Рылова, И.Ф. Фальберг, А.Н. Федорова. Музей ходатайствовал об обратном зачислении на должности препараторов и по-

Рис. 10. Георгий Георгиевич Яковсон (1871–1926) и Андрей Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1866–1942) в своем рабочем кабинете. До 1926 г. Научный архив ЗИН РАН.

Fig. 10. Georgii Georgievich Jacobson (1871–1926) and Andrei Petrovich Semyonov-Tyan'-Schansky (1866–1942) in their Cabinet. Earlier than 1926. Scientific archive of ZIN RAS.

мощников препаратов 12-ти из 16-ти уволенных сотрудников. Сокращения, однако, продолжались и в следующем году. Авторы отчета сетуют на то, что до революции здание обслуживали 25 человек младших служащих, а в 1922 г. их было 12, и до революции это были здоровые крепкие мужчины, а после – слабые пожилые женщины.

Не без труда удалось добиться в 1920 г. получения чайного довольствия.⁹⁹ Выдавалось несколько раз и вещевое довольствие в Доме ученых.¹⁰⁰ Не обходилось без курьезов. Так, в декабре 1921 г. В.В. Редикорцев (Рис. 11) пишет

в Комиссию по улучшению быта ученых: «В условиях получения обуви оговорено, что претенденты на таковую получают либо пару мужских и пару женских, либо две пары женских сапог. Я лично уже третий год тщетно добиваюсь возможности получить обувь через Комиссию по улучшению быта ученых, так как лишен возможности приобрести таковую на вольном рынке, в силу ее дороговизны, и третий год принужден ходить во все более разрушающихся дырявых сапогах. Через комиссию я до сих пор из крупных вещей получил лишь дамское пальто. Теперь я снова рискую остаться без обуви, если на мою

Рис 11. Владимир Владимирович Редикорцев (1873–1942), исполняющий обязанности директора Зоологического музея в 1929 г. Из альбома О.М. Мартыновой. Научный архив ЗИН РАН.

Fig. 11. Vladimir Vladimirovich Redikorzev (1873–1942), the Acting Director of the Zoological Museum in 1929. From the album of O.M. Martynova. Scientific archive ZIN RAS.

долю выпадет несчастье попасть в число лиц, получающих две пары дамских ботинок. Желая обеспечить себя от подобной случайности и подтверждая крайнюю необходимость получения для меня обуви, покорнейше прошу включить меня в число лиц, имеющих право на получение во всяком случае пары мужских штиблет». ¹⁰¹ На письме, напечатанном на машинке, на бумаге в клеточку, стоит резолюция Г.Г. Яковсона: «Вполне присоединяюсь к заявлению старшего зоолога Зоологического музея Владимира Владимировича Редикорцева и удостоверяю правильность всего вышесказанного. Уполномоченный Зоол. муз. Г. Яковсон» (там же). Быт вообще был не обустроен. Так, проблему составляло получение керосина для освещения. Как достижение отмечалось, что Н.Н. Филиппеву удалось получить 20 фунтов керосину на 25 ламп, имевшихся в музее. ¹⁰²

Чтобы как-то свести концы с концами, многие сотрудники вынуждены были подрабатывать. Так, Г.Г. Яковсон читал лекции в

Красноармейском университете им. Толмачева и консультировал в Подотделе борьбы с вредителями. ¹⁰³ Ф.Д. Плеске консультировал при отделе Беломорской экспедиции Гидрологического института и работал консультантом по орнитологии в Петроградском Зоологическом саду и в Отделении охоты сельскохозяйственного ученого комитета. ¹⁰⁴ Широкое распространение совместительства было связано с отсутствием возможности приобретать еду, что стимулировало людей устраиваться на многие работы одновременно для получения пайка. Некоторым подспорьем могла бы оказаться охота для сотрудников, уехавших на лето 1920 г. в экспедиции для сбора материала на Белое море, в Кубанскую и Костромскую область, ¹⁰⁵ но дополнительную трудность составляло то, что осенью 1919 г. у всех было отобрано охотничье оружие, ¹⁰⁶ и ходатайство о его возвращении было отклонено. ¹⁰⁷

Условия работы в здании музея оставляли желать лучшего. Начиная с зимы 1919/1920 г. в

течение трех лет в музее не было отопления из-за аварии труб.¹⁰⁸ Часть здания, где трубы были исправны, не было возможности протопить из-за отсутствия дров. В холодное время года работать на третьем этаже стало невозможно. Персонал перешел в нижние подвальные помещения, которые было легче натопить буржуйками, однако и там было холодно, сыро и темно. Персонал искал возможности работать в более подходящих условиях. Так, в 1920 г. Г.Ю. Верещагин просил разрешения работать в помещении Гидрологического института, а Ф.Д. Плеске – у себя дома в помещении Главного здания Академии.¹⁰⁹ Их просьбы были удовлетворены, однако, оба они имели присутственные дни и часы: первый – по понедельникам, четвергам и субботам, а второй – по понедельникам, средам и субботам.¹¹⁰ В комнату Главного здания Академии Ф.Д. Плеске попал из-за порчи труб в его квартире на Каменноостровском. В 1920 г. музей ходатайствовал о снабжении «одного из известнейших современных зоологов, хорошо известных ученому миру» самым минимальным количеством дров, чтобы протопить комнату, принадлежавшую препаратору М.А. Колину в Главном здании, куда тот не возражал его пустить.¹¹¹ В начале апреля 1920 г. сотрудники всё еще работали внизу.¹¹² К лету в помещениях развелась сырость «в степени, угрожающей сохранности помещенных здесь коллекций».¹¹³ 18 октября 1920 г. перед наступлением второй зимы без отопления Совет музея обсуждал устройство кирпичных печурок, что было поручено П.Ю. Шмидту. Обсуждалась также идея снять для служащих квартиру. В результате эту зиму многие проработали в квартире Олонецкой экспедиции на 12 линии: Г.Ю. Верещагин, Т.И. Верещагина, А.Н. Кириченко, Н.Я. Кузнецов, А.К. Мордвилко, Е.Н. Покровская, а некоторые – дома: Н.П. Анненкова-Хлопина, В.В. Баровский и Г.Г. Якобсон.¹¹⁴ Выставочное отделение было в конце 1920 г. закрыто на все время холодов.¹¹⁵ По-прежнему трудным был и 1922 г. Авторы неопубликованного отчета отмечают «холод и в придачу копать от временок» в помещениях цокольного этажа, «крайний недостаток денежных средств для необходимейших расходов».¹¹⁶ Только в конце лета 1922 г. музей получил необходимое топливо; представилась также возможность провести частичный как

наружный, так и внутренний ремонт здания музея: частично отремонтировать крышу, стены, остекление, занавеси в выставочном отделе, поскольку здание с 1917 г. «пришло в угрожающее состояние».¹¹⁷

Введение НЭПа и резкий отказ от нормированного снабжения еще более усугубил бедственное положение ученых. В 1921 г. возникла новая угроза массового голода. В это время удалось добиться создания в Совнаркоме Отдела научных учреждений, а 6 декабря 1921 г. был издан декрет СНК «Об улучшении быта ученых». Вместе с тем, возросло давление на ученых со стороны государства. С началом НЭПа (1921–1927) власти приступили к ликвидации созданных ранее профессиональных объединений ученых (Колчинский [Kolchinskii] 2003с: 406). С созданием Главлита была введена цензура. С 1921 г. классовый подход был распространен на образование: в вузы принимали по классовому признаку, оставив на долю потомственных интеллигентов ничтожный процент.

III. Нормализация работы Зоологического музея в первые годы после Гражданской войны (1923–1927)

В 1923 г. «общее улучшение экономического положения отозвалось весьма заметно на Зоологическом музее» (Ольденбург [Ol'denburg] 1924: 92). Сохранилась общая фотография сотрудников, сделанная в самом конце 1922 г. (Рис. 12–15), демонстрирующая коллектив музея, преодолевший первые тяготы войн и революций.¹¹⁸ Наиболее трудные дни были позади. Благодаря частичному ремонту и отпуску средств на приобретение топлива, здание отапливалось весь зимний период. Кроме того, в связи с введением с 1 июля 1923 г. входной платы в распоряжении музея оказались некоторые средства, на которые можно было сделать частичный и самый необходимый внутренний ремонт и привести в порядок здание. Эти же средства дали возможность до некоторой степени удовлетворять наиболее настоятельные нужды музея. В начале 1923 г. Зоологическому музею было возвращено его старинное право отсылки и получения почтовых посылок и всякого рода корреспонденции без оплаты весового сбора, что до некоторой степени возмещало

Рис. 12. Сотрудники музея в 1922 г. Из альбома О.М. Мартыновой. Научный архив ЗИН РАН. Первый ряд снизу слева направо: Л.Г. Миклашевская (Ковалевская), Т.И. Баровская, Л.Ф. Гилдебрандт, Л.П. Денисова, А.Т. Пржиленская. Второй ряд снизу слева направо: Ф.Д. Плеске, Э.Ф. Мирам, А.Н. Кавригина, А.А. Бялыницкий-Бируля, А.К. Мордвилко, А.П. Семенов-Гян-Шанский. Остальные сотрудники см. Рис. 13–15.

Fig. 12. The staff of the Museum in 1922. From the album of O.M. Martynova. Scientific archive of ZIN RAS. The first row from bottom from left to right: L.G. Miklashevskaya (Kovalevskaya), T.I. Barovskaja, L.F. Gildebrandt, L.P. Denisova, A.T. Przhilenskaja. The second row from bottom from left to right: F.D. Pleske, Je.F. Miram, A.N. Kavrigina, A.A. Byalynitskii-Birulya, A.K. Mordvilko, A.P. Semenov-Gjan-Shanski. Other staff see Figs. 13–15.

Рис. 13. Сотрудники музея в 1922 г. Фрагмент 1. Верхний ряд: В. М. Рылов, С.Ф. Царевский; нижний ряд: М.А. Колин – отец, Г.М. Колин – сын, неизвестный, С.К. Приходко, Н.Н. Сушкина, Е.Н. Покровская, Ц.К. Федерольф.

Fig. 13. The Museum staff in 1922. Fragment 1. Top row: V.M. Rylov, S.F. Tsarevskiy; bottom row: M.A. Colin – father, G.M Colin – son, unknown, S.R. Prihodko, N.N. Sushkina, E.N. Pokrovskaya, C.K. Federolf.

Рис. 14. Сотрудники музея в 1922 г. Фрагмент 2. Верхний ряд: А.Н.Кириченко, А.М. Дьяконов, В.В. Баровский, неизвестный, неизвестный; нижний ряд: Т.С. Пергамент, А.Н. Федорова, неизвестная, Р.И. Виркетис, неизвестная, неизвестная.

Fig. 14. The Museum staff in 1922. Fragment 2. Top row: A.N. Kirichenko, A. M. Dyakonov, V.V. Barovskii, unknown, unknown; bottom row: T.S. Pergament, A.N. Fedorova, unknown, R.I. Virketis, unknown, unknown.

Рис. 15. Сотрудники музея в 1922 г. Фрагмент 3. Неизвестная, О.М. Мартынова, П.Ю. Шмидт, В.А. Линдгольм, А.В. Мартынов, Б.С. Виноградов, Е.В. Мамышева, П.П. Сушкин.

Fig. 15. The Museum staff in 1922. Fragment 3. Unknown, O.M. Martynova, P.Ju. Schmidt, V.A. Lindholm, A.V. Martynov, B.S. Vinogradov, E.V. Mamysheva, P.P. Suschkin.

недостаток средств, отпускаемых музеем для самостоятельного снаряжения экспедиций и экскурсий (Ольденбург [Ol'denburg] 1924: 93).

Более доступной стала публикация трудов, тем не менее, из 166 заглавий научных трудов, вышедших в 1923 г., значительная часть увидела свет в заграничных научных журналах (Ольденбург [Ol'denburg] 1924: 92–93). Такое положение сохранялось довольно долго: «тяжелые условия печатания заставляют в последние годы многих наших ученых помещать свои труды в иностранных изданиях», – сказано в отчете за 1927 г. (Ферсман [Fersman] 1928. Part 2: 16). На месте трудности с печатанием продолжали сохраняться. В 1923 г. даже по сравнению с предыдущим годом, когда музей выпустил «Ежегодник» томом в 36 листов, том «Ежегодника» вышел в размере всего 10 листов, тогда как в редакции лежало рукописей более чем на 120 листов. Другое издание музея, «Фауна России», для которого в 1923 г. в редакции имелось готовых рукописей более чем на 100 листов, также лежал без движения (Ольденбург [Ol'denburg] 1924: 96).

Постепенно положение с поступлением литературы улучшалось. Еще в 1921 г. было решено привести в порядок библиотеку. Для разработки плана упорядочивания библиотеки была создана комиссия под председательством Ф.Д. Плеске,¹¹⁹ который работал несколько лет совместно с помощником библиотекаря И.Г. Мусатовым. Прежняя алфавитная система расположения книг в шкафах была заменена сигнатурочной (в соответствии с шифрами). К моменту окончания ревизии (30.08.1924) в библиотеке хранилось отдельных сочинений 4746 заглавий (8678 томов), справочников – 120 заглавий (999 томов), журналов или изданий, выходящих выпусками – 557 заглавий (7.089 томов), брошюр и оттисков – 13054 заглавий (13054 томов), всего – 18477 заглавий (29820 томов). Вся библиотека Зоологического музея в это время помещалась в 120 шкафах, размещенных главным образом в библиотечном помещении (105 шкафов), частью – в орнитологическом (12), малакозоологическом (5) и ихтиологическом отделениях (4). Были выявлены и недостатки: так, из числа занесенных в инвентарную

книгу отсутствовали 358 томов (1.2% общего числа) (Ольденбург [Ol'denburg] 1925: 118). В 1927 г. библиотека получила 2.700 руб. единовременных ассигнований на приобретение литературы за границей (Ферсман [Fersman] 1928: 131). Число сторонних посетителей читального зала в 1929 г. достигало 506 человек (Комаров [Komarov] 1930: 148).

В 1923–1924 гг. в состав музея вошли два паразитологических подразделения. Комиссия по изучению гельминтофауны России была принята под покровительство РАН в 1923 г., согласно ее собственному ходатайству, с причислением ее к Зоологическому музею в качестве самостоятельного отделения. Комиссия работала в Москве под руководством проф. К.И. Скрябина (Ольденбург [Ol'denburg] 192: 97). В 1924 г. при Зоологическом музее возникла постоянная Комиссия по изучению малярийных комаров СССР. Это было следствием резолюции II-го Малярийного совещания в Москве, признавшего своевременным «поставить на очередь планомерное и согласованное исследование фауны и зоогеографии малярийных комаров СССР с выяснением местных особенностей их биологии» (Ольденбург [Ol'denburg] 1925:119). Предложение об организации этой комиссии поступило от Е.Н. Павловского, бывшего в это время профессором Военно-медицинской Академии. 2 апреля 1924 г. Совет музея избрал его председателем комиссии. Временное бюро состояло из А.С. Скорикова (тов. председателя), В.П. Поспелова, В.В. Редикорцева и А.А. Штакельберга – секретаря Комиссии. В общей сложности комиссия состояла из 23 ленинградских и иногородних членов (Ольденбург [Ol'denburg] 1925: 119). Позднее, в 1930 г., она стала паразитологическим отделением музея (Волгин [Volgin] 1931: 175).

С нормализацией железнодорожного сообщения музей снова стал базой для работ приезжих специалистов. В 1923 г. их одновременно работало 32, преимущественно из преподавательского состава провинциальных высших учебных заведений, а также из состава специалистов опытных станций и технических школ, (Ольденбург [Ol'denburg] 1924: 93), а в 1926 г. – уже 102 (Ольденбург [Ol'denburg] 1927 Part 1: 124). Была вновь налажена связь с исследователями природы на местах. В 1920 гг.

восстановилось общение с зарубежными учеными, прерванное революцией. Так, в 1925 г. упомянуты работавшие в Зоологическом музее профессор Матсумура (Япония, Саппоро), И. Монтагю (Лондон, Британский музей), доктор Т. Эзаки (Япония, Фуки-Ока), доктор Мартини (Гамбург) (Ольденбург [Ol'denburg] 1926: 101). В 1929 г. в отчете упомянуты как принимавшие деятельное участие в разработке материалов музея такие иностранные специалисты, как доктор Охс, доктор Рамме, доктор Беттгер (Германия), доктор Обенбергер¹²⁰ (Прага), доктор Александер (США), Г. Линдберг (Гельсингфорс), Борис Уваров¹²¹ (Лондон) (Комаров [Komarov] 1930: 133). Бывали за границей и сотрудники Зоологического музея. Например, П.П. Сушкин и Н.Н. Сушкина принимали участие в X Международном зоологическом конгрессе в Будапеште 4-10 сентября 1927 г. (Ферсман [Fersman] 1928 Part 2: 12). В 1927 г. поездки за границу совершили проф. Виноградов – в Берлин (Ферсман [Fersman] 1928 Part. 2: 39–41), Г.Ю. Верещагин и В.М. Рылов – в Рим, Н.Н. Сушкина – кроме Будапешта, также и в Вену (Ферсман [Fersman] 1928. Part 2: 39, 41–43, 50–51). В 1928 г. А.В. Мартынов был командирован за границу для участия в IV Международном энтомологическом конгрессе в г. Итака (США). (Ольденбург [Ol'denburg] Part 1.1929: 133).

Также заметно возросла посещаемость выставочного отдела (Рис. 16–18). Число посетителей в 1923 г. достигло 85022 человек, в том числе 32725 человек прошли с экскурсиями с руководителями от музея или экскурсионных организаций Наркомпроса (Ольденбург [Ol'denburg] 1924: 95). В 1924 г. удалось опубликовать, подготовленный к печати еще в 1917 г. путеводитель Н.М. Книповича, с разрешения Главлита для сокращения расходов на перепечатку выпущенный еще по старой орфографии, и другое, более дешевое издание для широкой публики (Книпович [Knipovich] 1924; Якобсон [Jakobson] 1924). В Выставочном отделе производились некоторые работы. Так, в 1925 г. была поставлена демонстративная коллекция по пресноводной фауне СССР. Была обновлена и переработана энтомологическая коллекция, вновь поставлено сравнительно-анатомическое введение к отряду хищных. Была обновлена вы-

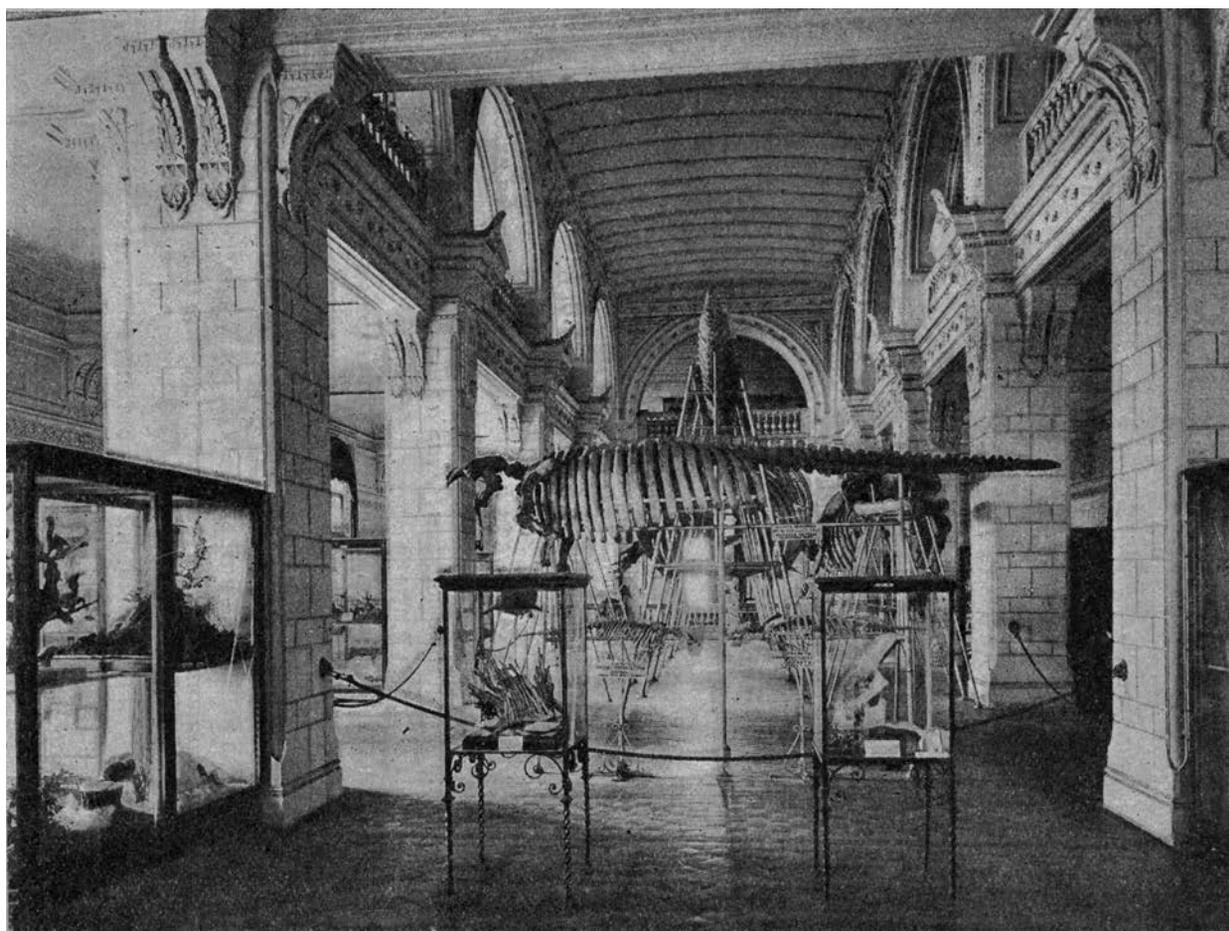

Рис.16. Первый зал музея. Скелет стеллеровой коровы (из Ольденбург [Ol'denburg] 1925).

Fig. 16. The First Hall of the Museum. The skeleton of a Steller cow (from Ol'denburg 1925).

ставка во многих частях орнитологической коллекции (райские птицы, колибри и др.), сделаны добавления в коллекциях по млекопитающим в виде отдельных препаратов, рисунков, диаграмм и т. п. (Ольденбург [Ol'denburg] 1926: 102). В 1925 г. Зоологический музей участвовал в праздновании 200-летия Академии наук. Была подготовлена выставка по истории Зоологического музея, состоявшая из графиков и диаграмм, иллюстрировавших главные моменты его истории (Ольденбург [Ol'denburg] 1926 Part 1: 99). Также была подготовлена лимнологическая выставка к Третьему Международному лимнологическому съезду 1925 г. (Ольденбург [Ol'denburg] 1926: 102). Экспозицией активно пользовались в целях преподавания в высших учебных заведениях. Так, в 1927 г. профессор

Г.Г. Доппельмайр читал в Зоологическом музее курс географии промысловых животных для слушателей Географического факультета ЛГУ и Лесного института, профессор А.А. Бялыницкий-Бируля – курс классификации млекопитающих и зоогеографии для слушателей Географического факультета ЛГУ (Ольденбург [Ol'denburg] 1929 Part. 1: 134).

Однако быстрому налаживанию работы музея после Гражданской войны существенно повредило в 1924 г. стихийное бедствие – наводнение, постигшее Ленинград 23 сентября 1924 г. и залившее цокольное помещение музея до высоты около 2 м (2 3/4 арш.). Основные сведения о его последствиях почерпнуты из отчета музея за 1924 г. (Ольденбург [Ol'denburg] 1925). Наводнение повредило коллекционные шкафы

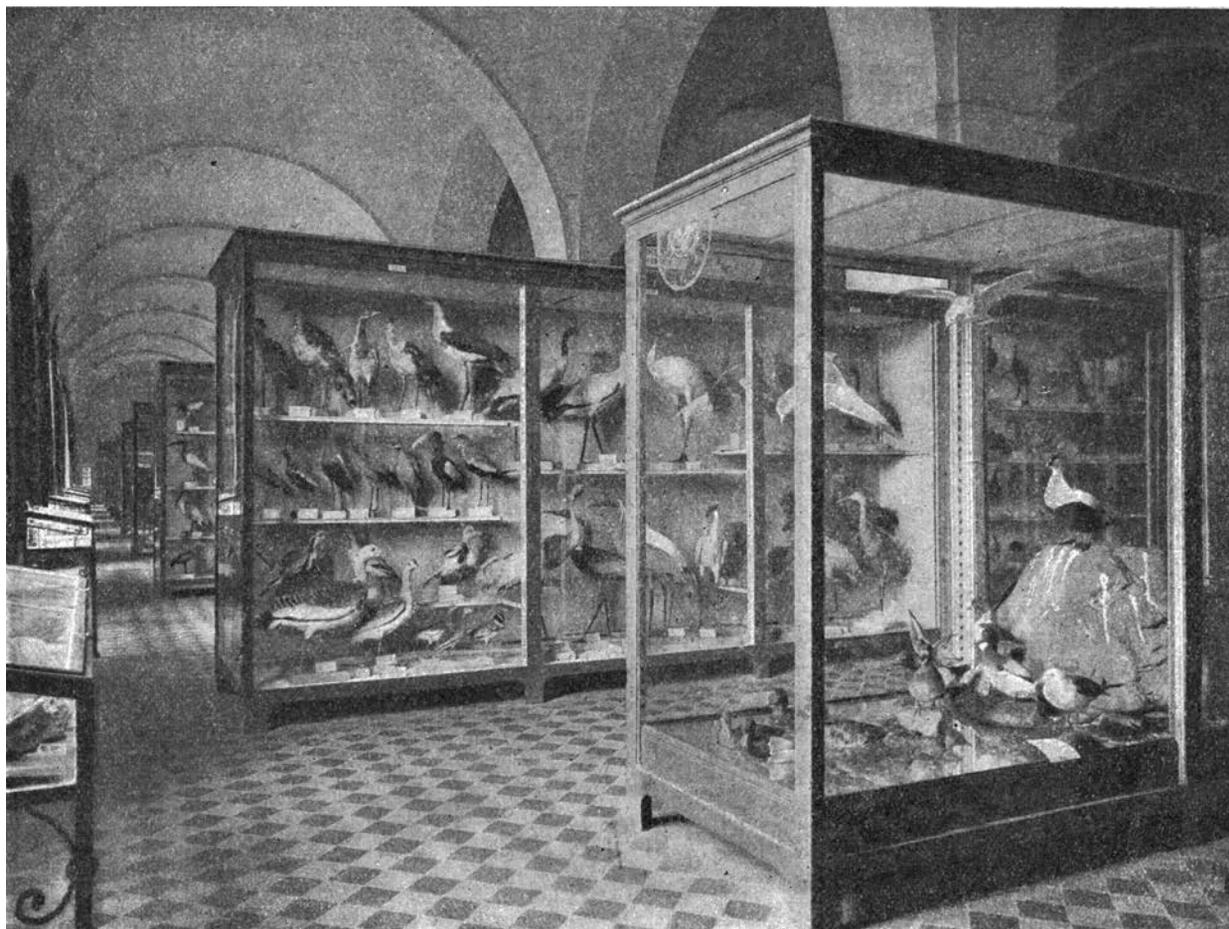

Рис. 17. Второй зал музея. Птицы. Витрина, поврежденная в ходе перестрелки революционных лет (из Ольденбург [Ol'denburg] 1925).

Fig. 17. The Second Hall of the Museum. Birds. Showcase, which was damaged in the crossfire in the years of revolution (from Ol'denburg 1925).

и другую мебель, находившуюся в цокольном этаже, а также отозвалось в значительной степени на сохранности коллекций трех отделений: остеологического, ихтиологического и герпетологического. Особенно тяжелым периодом стали первые недели после наводнения. Первые дни, пока вода еще не ушла из здания, сотрудники часами добывали из воды книги и выносили тяжелые банки с коллекционными объектами. Тяжелая работа продолжалась и после ухода воды в сыром подвале, в темноте, так как электрическое освещение продолжительное время не действовало. Потребовалась долгая работа для приведения коллекций в порядок. Наука была отложена.

Сильно пострадало Остеологическое отделение: была разрушена часть коллекционных шкафов, ящики и особенно картонные коробки. В Отделении герпетологии была опрокинута вся мебель, перевернуты полки с коллекциями в шкафах. Когда вода ушла, шкафы стали высыхать, вызывая падение уцелевших полок. В общей сложности около 20000 банок пришлось перенести в Выставочный зал на хоры. В воде к тому же погибли подготовленные к печати рукописи и черновики. Однако больше всех пострадало Ихтиологическое отделение музея: вода стояла в нем выше человеческого роста. После четырех часов дня 23 сентября подъем воды совершался так быстро, что, хотя часть

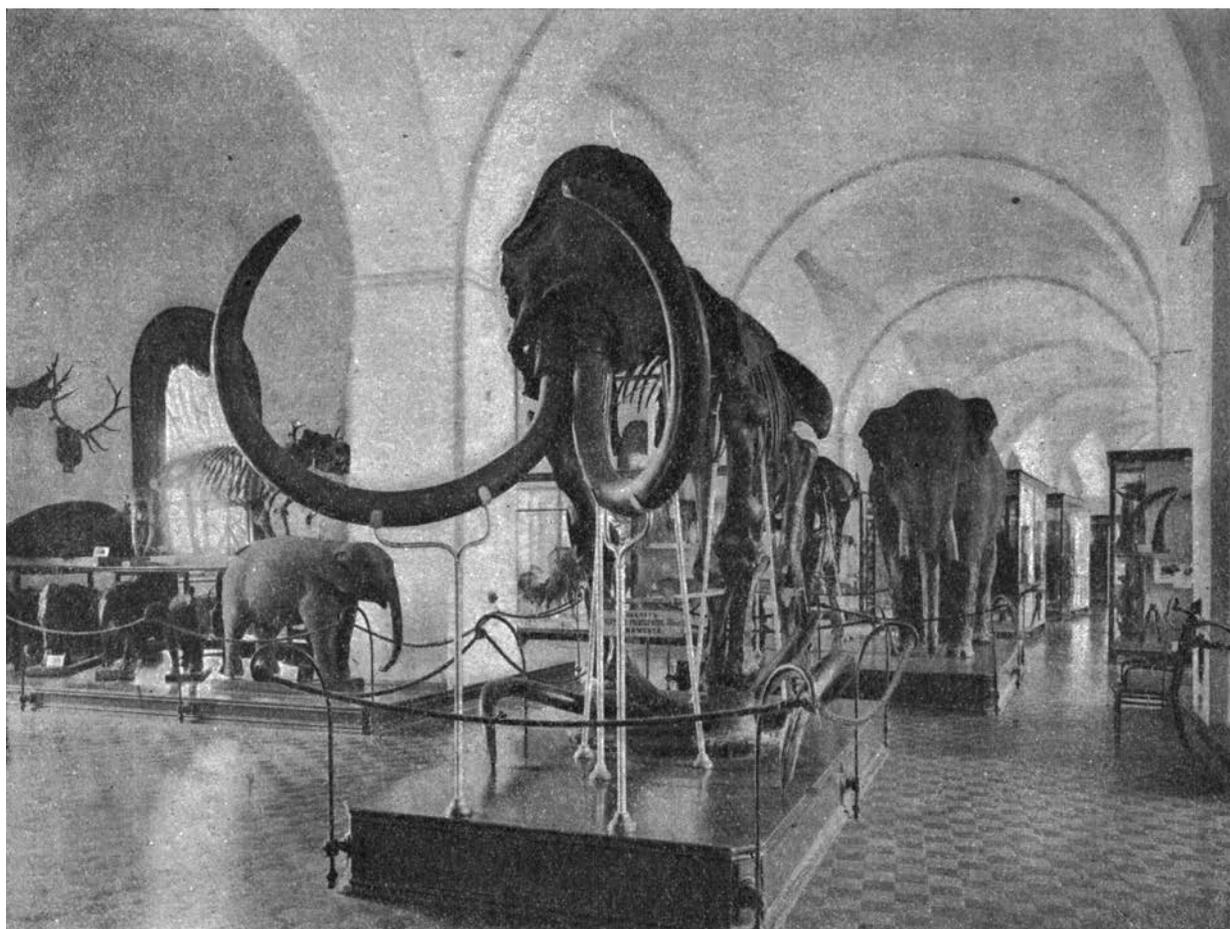

Рис. 18. Третий зал музея. Млекопитающие. Мамонт Адамса (из Ольденбург [Ol'denburg] 1925).

Fig. 18. The Third Hall of the Museum. Mammals. The Mammoth of Adams (from Ol'denburg 1925).

персонала и находилась на рабочем месте, о спасении огромной коллекции рыб, размещенной в 100 шкафах и состоявшей более чем из 25000 банок, нельзя было и думать. Когда в 6 часов утра на следующий день персонал музея проник в рабочий кабинет Ихтиологического отделения через окно со двора, оказалось, что вода стояла на уровне подоконника. Все шкафы и полки с коллекциями упали, столы были перевернуты. В воде плавали банки с рыбами, инструменты, рукописи, книги и все остальное имущество отделения. Шкафы, содержавшие основную коллекцию, не опрокинулись, как это случилось в остеологическом отделении, однако оказалось, что во многие банки, которых было не менее 10000–12000, попала вода. Особенно пострадали крупные банки. Некоторые дере-

вянные полки всплыли от воды и опрокинули банки. Многие банки казались совершенно не затронутыми снаружи, но содержали вместо спирта воду, проникшую под давлением. Точно так же заполнились водой многие из медных завинченных ящичков, наполненных крупными экземплярами рыб.

Кроме персонала музея, поголовно мобилизованного для помощи пострадавшим отделениям, в работах по спасению коллекций приняли участие Л.С. Берг, Б.С. Михин, И.Ф. Правдин, А.И. Рабинерсон, М.О. Тихий и студенты Географического института, а также пять студентов-зоологов, командированных на помощь музею профессором К.М. Дерюгиным.

Если бы в распоряжении музея находились необходимые средства для приобретения спир-

та, то большую часть испорченных коллекций (кроме рыб, утративших этикетки) удалось бы спасти. Музей пробовал просить Главспирт выдать его бесплатно, однако получил отказ. Из-за отсутствия спирта доливка пострадавших коллекций часто прерывалась на несколько дней. Процесс доливки коллекций затянулся более чем на месяц. Из-за продолжительного пребывания в воде или на воздухе очень многие рыбы мацерировались, размякли и сгнили; другие же заплесневели. Из заплесневевших рыб некоторых удалось спасти, продезинфицировав в формалине, но многих не уберегли: значительное количество рыб, особенно из необработанных материалов, пришлось выбросить. Совершенно погибла, за немногими исключениями, коллекция сухих рыб А.Ф. Миддендорфа. Не менее 1000 банок, т. е. около 4% всех обработанных основных коллекций, пришлось исключить из инвентарных списков, не считая погибших и приведенных в негодность необработанных материалов. В каталоге поступлений Лаборатории ихтиологии они помечены красными значками.

От наводнения пострадала часть ихтиологической библиотеки, находившейся в нижнем этаже музея: оказались подмочены 216 томов. Книги были перенесены в помещение библиотеки, здесь высушены, и большую часть их спасли. К счастью, к этому времени библиотека уже находилась на третьем, достроенном к началу Первой мировой войны, этаже.

Стало ясно, что для хранения коллекций нужны дополнительные площади, и не на первом этаже. В связи с наводнением Зоологическому музею был предоставлен частично отремонтированный корпус, расположенный вдоль Большой Невы (Рис. 19–22).¹²² Новое здание увеличило площадь музея почти на треть. Туда переехали пострадавшие отделения: ихтиологическое, герпетологическое и остеологическое, которые находятся в Приневском корпусе и поныне. Это здание, соединенное с музеем внутренним ходом, почти целиком перешло в распоряжение музея к концу 1925 г., за исключением 3-го и 5-го надворных этажей (Ольденбург [Ol'denburg] 1925: 99–100). Причем просьбу передать корпус, расположенный вдоль Большой Невы, в распоряжение музея высказывал еще в 1918 г. Совет музея, когда стало известно, что планируется из Горного департамента передать это здание в

ведение Академии наук. Часть, выходящую на набережную, просили «для устройства сравнительно-анатомического и общебиологического отделов музея, в которых давно уже ощущается настоятельная необходимость, а равно для устройства аудитории, где могли бы читаться публичные лекции по вопросам, близким к задачам музея».¹²³ Совет музея также просил поселить поближе и служащих: «за последние 15 лет было несколько случаев настоятельной необходимости быстро распорядиться для спасения коллекций, именно, были случаи наводнения, затопления музея лопнувшими трубами центрального отопления, пожара, обстрела и т.п.», – сказано в сообщении. Ф.Д. Плеске просил это здание для улучшения условий хранения коллекций птиц, страдавших от жары в летнее время,¹²⁴ но только стихийное бедствие, нанесшее немалый урон коллекциям, подвигло чиновников сдвинуть дело с мертвой точки.

Постепенно последствия наводнения перестали ощущаться, однако на это ушло несколько лет. Даже в отчете за 1926 г. сказано что, по крайней мере, для некоторых отделений музея, он «прошел в значительной степени еще под влиянием дезорганизации, внесенной в жизнь ЗМ наводнением 1924 г.» (Ольденбург [Ol'denburg] 1927: 122.). Только в 1927 г. во всех отделениях Зоологического музея «установился постепенно нормальный ход работ, нарушенный экстраординарными обстоятельствами предыдущих лет» (Ферсман [Fersman] 1928 Part 1: 131).

IV. Начало советизации Академии. Преобразование Зоологического музея в Зоологический институт. Реформа экспозиции. Фаунистическая конференция 1932 г.

18 июня 1927 г. СНК СССР утвердил первый советский Устав АН СССР, согласно которому АН СССР объявлялось «высшим ученым заведением СССР, состоящим при СНК СССР». Несмотря на новые условия работы, возникшие в стране после революции, до конца 1920-х гг. деятельность музея в своих существенных чертах продолжалась на тех же основаниях, на которых она базировалась до революции. Ведущим направлением ее была инвентаризация фауны. Мало изменилась экспозиция.

Рис. 19. Часть здания бывшего таможенного пакгауза, переданная Зоологическому музею после наводнения 1924 г. (из Ольденбург [Ol'denburg] 1925).

Fig. 19. Part of the building of the former Customs House, passed to the Zoological Museum after the flood of 1924 (from Ol'denburg 1925).

Рис. 20. Зоологический институт в 1930-е гг. Аэрофотосъёмка. Научный архив ЗИН РАН.

Fig. 20. The Zoological Institute in the 1930s. Aerophotography. Scientific archive of ZIN RAS.

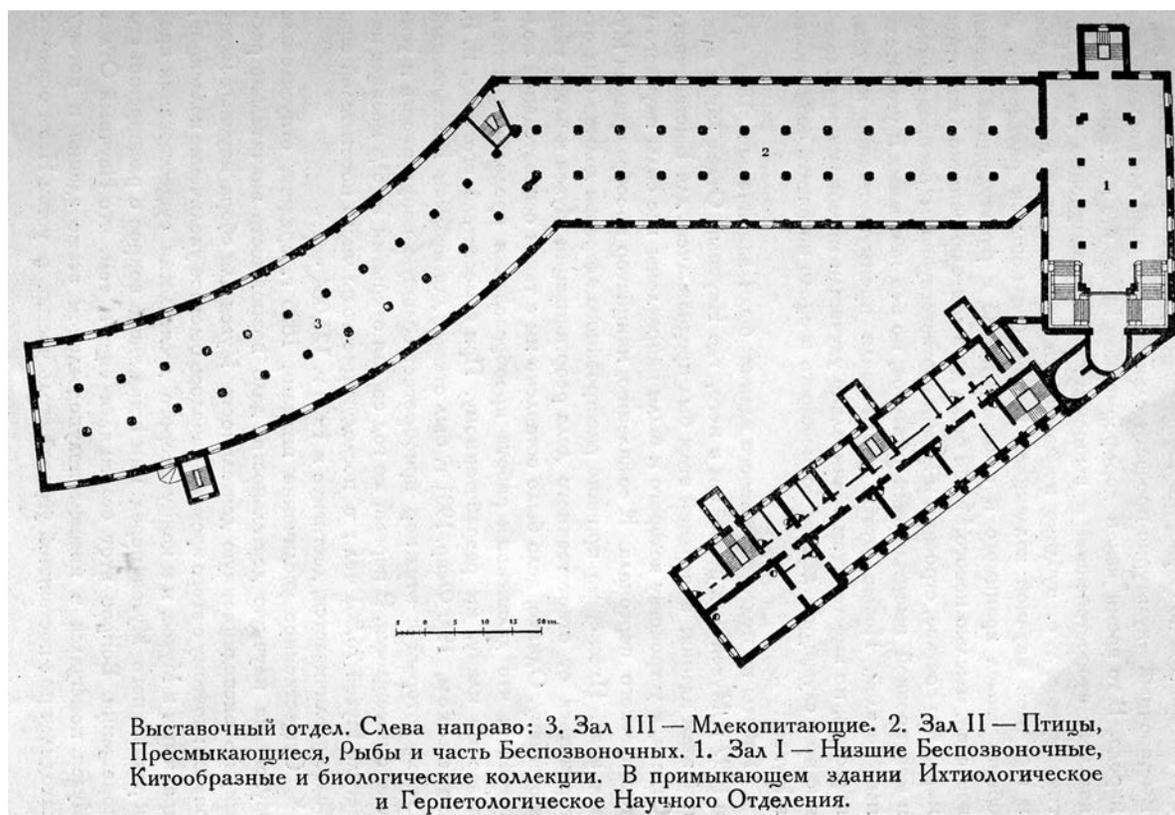

Рис. 21. План расположения отделов Зоологического музея во втором этаже здания после наводнения 1924 г. (из Ольденбург [Ol'denburg] 1925).

Fig. 21. Plan of location of the departments of the Zoological Museum in the 2nd floor of a building after the flood of 1924 (from Ol'denburg 1925).

В существенной степени сохранялась свобода научного поиска. Среди сотрудников не было членов ВКП(б). Однако за годы, прошедшие с 1917 г., новая власть укрепила свои позиции и накопила достаточно сил, чтобы приступить к реорганизации деятельности Академии в нужном для себя направлении. Контроль со стороны государства усиливался с каждым годом. В устав 1927 г. впервые был включен пункт об исключении из Академии. Что касается музея, то для него реорганизация Академии наук в конце 1920-х – начале 1930-х гг. ознаменовалась переименованием в Зоологический институт. Процесс реорганизации, завершившийся переименованием в 1931 г., подробно описан (Слепкина [Slepikova] 2008), поэтому здесь мы отметим только некоторые наиболее характерные черты происходивших в музее перемен.

Прежде всего, этот период ознаменовался мощным идеологическим давлением со стороны властей. Существенную роль в этом сыграла Всесоюзная организация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТСО), основанная в апреле 1927 г. В сознание научной интеллигенции постепенно внедрялась мысль о необходимости соблюдать лояльность режиму и его идеологии (Колчинский [Kolchinskii] 2007: 258). История разгрома старой, дореволюционной Академии наук в целом хорошо известна (Перченков [Perchyonok] 1991; Кольцов [Kol'czov] 1990; Берлявский [Berlyavskii] 2012; Колчинский и др. [Kolchinskii et al.] 2003d). На Общем собрании АН СССР 12 января 1929 г. впервые в состав Академии среди 39 новых академиков были избраны пять коммунистов, однако

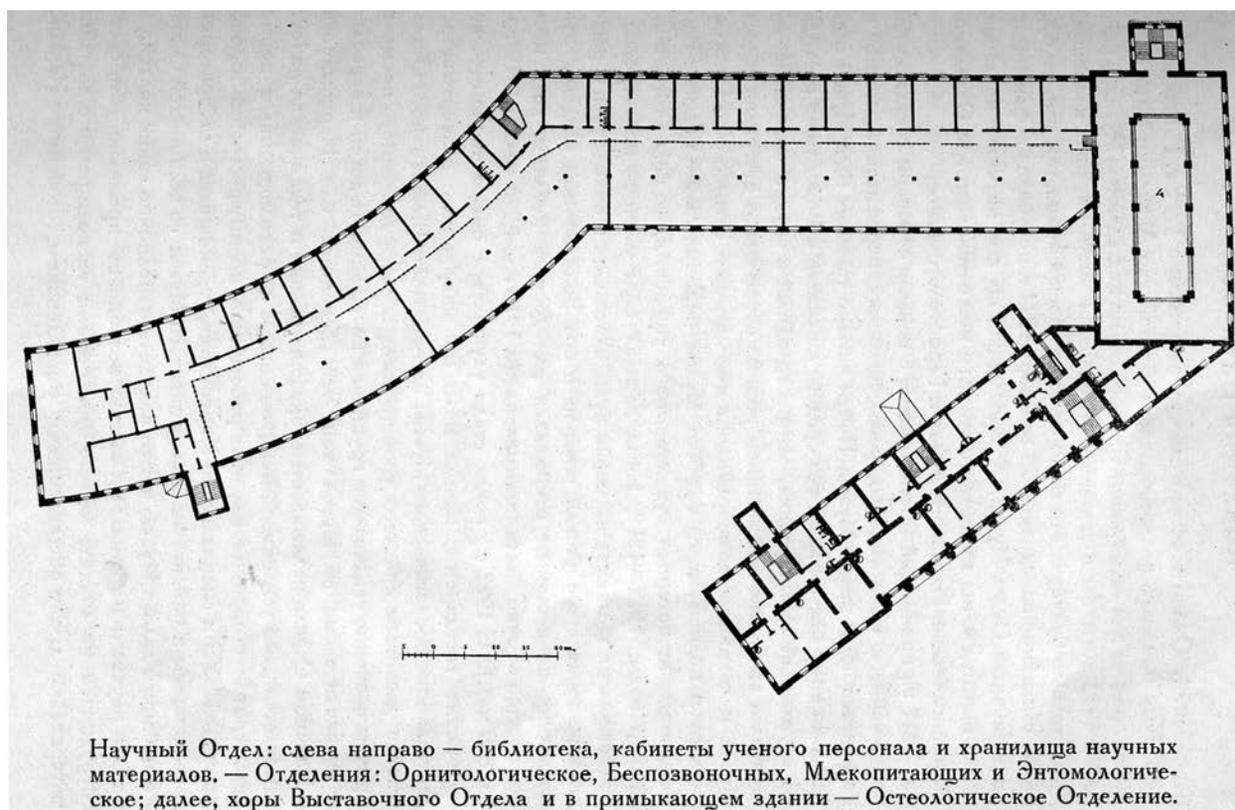

Рис. 22. План размещения отделов Зоологического музея в третьем этаже здания после наводнения 1924 г. (из Ольденбург [Ol'denburg] 1925).

Fig. 22. Plan of location of the departments of the Zoological Museum in the 3rd floor of the building after the flood of 1924 (from Ol'denburg 1925).

трое выдвинутых коммунистов не набрали положенного числа голосов. Председатель Высшего совета народного хозяйства СССР В.В. Куйбышев требовал закрытия Академии. Хотя и была разрешена перебаллотировка, в ходе этого скандала на заседании ВАРНИТСО 3 февраля 1929 г. А.Я. Вышинский потребовал проводить реорганизацию Академии наук до тех пор, пока она не станет такой, какая «нужна Союзу» (Романовский [Romanovskii] 1999: 177), что и было исполнено. С июля 1929 г. по 30 июня 1930 г. была предпринята чистка Академии наук правительственной комиссией Ю.П. Фигатнера, затронувшая и Зоологический музей. По свидетельству С.А. Зернова, проверка штатов и чистка в музее проходила в октябре – ноябре 1929 г. Локальное бюро Секции научных работников составило «Заключение по докладу о зоологических учреждениях Академии наук

С.С.С.Р. 11.XI.1929»,¹²⁵ в котором все претензии к Зоологическому музею были сформулированы. Они подробно описаны в работе Слепковой ([Slepko] 2008).

В результате работы комиссии Ю.П. Фигатнера в списках не стало заведующего герпетологическим отделением С.Ф. Царевского, работавшего в музее с 1915 г. Об обстоятельствах, при которых он был отчислен, пишет Ф.Ф. Перченков, который приводит следующий эпизод из воспоминаний С.В. Сигриста, дословно воспроизведенный так. В Зоологическом музее работал герпетологом «С.Ф. Царевский, который был дьяконом с 1921 по 1924 г., потом перестал принимать участие в церковном служении, но сана не снял. Фигатнер спросил его, как Царевский относится к дарвинизму. Тут директор музея чл.-корр. АН А.А. Бялыницкий-Бируля крикнул на весь зал: «Дарвин был не только верующим,

но и старостой своего прихода в Англии!». Растерявшись, Фигатнер ляпнул: «Это было в Англии, но в Советском Союзе этого не допустили бы» (Перченко [Perchyonok] 1991: 202).¹²⁶

Внедрение материалистического, марксистского мировоззрения составляло главную задачу властей, в связи с чем удаление из Академии лиц, как-то связанных с церковью или имевших богословское образование, было одной из важных задач. Благодаря работе Ананьевой и Доронина ([Ananyeva and Doronin] 2012: 86–92) известно, что после отчисления в следующем, 1930 г., Царевский продолжил служение в церкви и даже получил сан протодиакона. 28 декабря 1930 г. он был арестован по делу Ленинградского «филиала» истинно-православной церкви, или «Церковному делу». Открытый процесс по сфабрикованному делу так и не состоялся, судьбу арестованных решила во внесудебном порядке коллегия ОГПУ. Царевский был приговорен 8 октября 1931 г. по обвинению в «участии в контрреволюционной монархической церковной организации (статья ст. 58-10 УК РСФСР)» к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. После освобождения он был выслан в Казань, где и оставался до самой смерти, работая какое-то время на фабрике фанерной игрушки и продолжая служить диаконом в кладбищенском храме.

В решении локального бюро Секции научных работников также содержалось мнение о необходимости сместить директора: «Локальное бюро считает, что директор ЗМ А.А. Бялыницкий-Бируля имеет большие заслуги как в научном отношении, так и в деле сохранения ценностей музея; однако ему, как организатору, чрезвычайно трудно справиться с все увеличивающимися с каждым годом требованиями, предъявляемыми жизнью к ЗМ, <...> и потому находит целесообразным заблаговременно поднять вопрос о смене руководства ЗМ.»¹²⁷ 23 ноября 1929 г. он был снят с директорства. Впоследствии его место занял партийный С.А. Зернов (Рис. 23). Для расправы с неугодными сотрудниками Академии наук было, как известно, сфабриковано специальное «Академическое дело» (Перченко [Perchyonok] 1995: 201–235; Леонов [Leonov] 1993). По «делу Академии наук» в период с октября 1929 г. по декабрь 1930 г. было арестовано около 150 человек. В послед-

Рис. 23. Сергей Алексеевич Зернов (1871–1945), директор ЗИН АН СССР в 1930–1942 гг. Научный архив ЗИН РАН.

Fig. 23. Sergei Alekseevich Zernov (1871–1945), the Director of the Zoological Institute of the Academy of Sciences of the USSR in 1930–1942. Scientific archive of ZIN RAS.

нюю волну арестов попал А.А. Бялыницкий-Бируля (Перченко [Perchyonok] 1991: 223), который до этого исполнял должность старшего зоолога музея. Он был арестован 16 ноября 1930 г. (Перченко [Perchyonok] 1995: 151–152) и 10 февраля 1931 г. осужден на три года лагерей. Отбывал срок он в Белбалтлаге в Сегеже. В 1932 г. он был досрочно освобождён и направлен в ссылку в Архангельск. Во время ссылки он работал штатным сотрудником Архангельского отделения Государственного океанографического института (позднее – Архангельской станции НИИ рыбного хозяйства и океанографии). С 1935 г. он был освобождён от службы на станции и работал по договору в ЗИНе. С 1935 г. Бялыницкий-Бируля был старшим специалистом,

руководителем сектора зоологии Казахского филиала АН СССР (1935–1936) (Смирнов [Smirnov] 2011: 82–83).

Понятно, что работа комиссии и последовавшие гонения на сотрудников производили тяжелое впечатление. К началу декабря 1929 г. из 960 штатных сотрудников АН комиссия Фигатнера сняла 128, из 830 сверхштатных – 520 (Перченко [Perchyonok] 1991: 208; Соболев [Sobolev] 1998: 176–182). Из музея был также уволен Ф.Д. Плеске с формулировкой «по старости», в 1932 г. он умер (Слепкова [Slepko] 2011: 382). 13 декабря 1929 г. Ю.П. Фигатнер докладывал: «Сейчас Академии в старом виде нет, она сломлена» (Перченко [Perchyonok] 1991: 208).

Подверглась идеологическому натиску и сфера музейной деятельности. 1930-е гг. ознаменовались желанием властей превратить музеи в боевые пункты культурной революции. Если на Первой Всероссийской музейной конференции 1919 г. академик Н.Я. Марр имел возможность высказать мысль о том, что в основу деятельности музея должна быть положена «полная неограниченная свобода ученых устраивать музеи так, как они это найдут нужным» (Кузина [Kuzina] 1991: 119), то в правительственных постановлениях, принятых в период с 1928 по 1934 гг., стала настойчиво проводиться мысль о том, что музеи должны превратиться в идеологическое оружие, в политический инструмент, с помощью которого можно формировать мировоззрение людей (Юренева [Jureneva] 2007: 285). Речь в данном случае идет о диалектическом материализме и марксизме.

«Метод диалектического материализма и музейное строительство» – так назывался программный доклад И.К. Луппола¹²⁸ на Первом всероссийском музейном съезде (Рис. 24), проходившем 1–5 декабря 1930 г. (Луппол [Luppol] 1931; Закс [Zaks] 1980). Наиболее подробно идеи в отношении преобразования естественно-исторических музеев были изложены Б.М. Завадовским, впоследствии основателем и первым директором Государственного биологического музея имени К.А. Тимирязева. Со докладом Завадовского назывался «Методы марксистской экспозиции естественнонаучных музеев» (Завадовский [Zavadovskij] 1931). «Задачей музея, – утверждал он, – является раскрытие тех определяющих отношений, которые являются

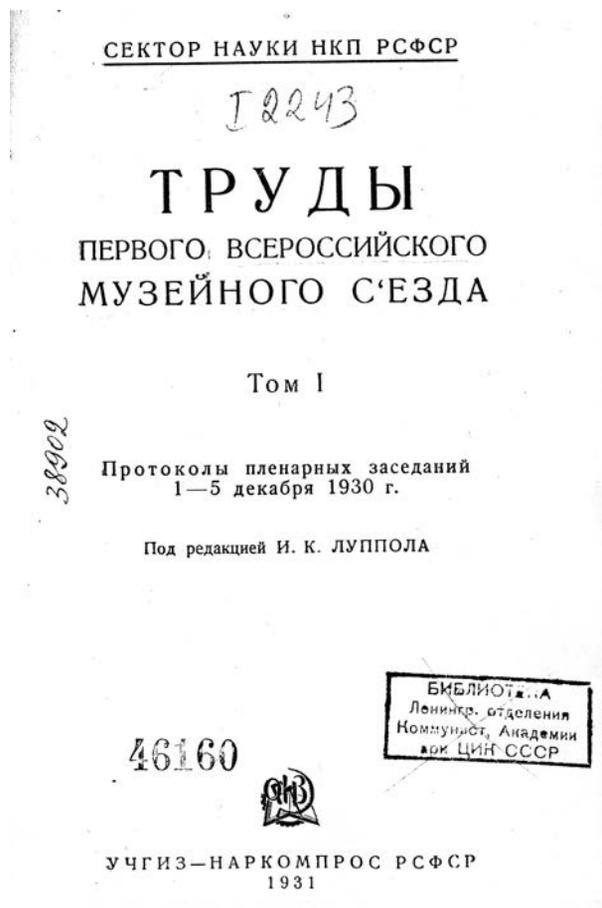

Рис. 24. Титул «Трудов Первого Всероссийского музейного съезда».

Fig. 24. The title of the «Proceedings of the First All-Russia Museum Congress».

наиболее специфическими для изучаемого круга явлений. <...> Музейное оформление идеи органической эволюции мы не можем не рассматривать как необходимую, неотъемлемую часть всякого марксистского биологического музея» (Завадовский [Zavadovskij] 1931: 47). Завадовский с трибуны съезда требовал дать совершенно недвусмысленное последовательно диалектико-материалистическое содержание в интерпретации тем: «В этом отношении для нас совершенно неприемлем тот демократический либерализм в композициях дореволюционного и западного музея, в котором одинаковое отражение находит себе и библейски-идеалистические воззрения и виталистические теории жиз-

ни, и, наконец, беззубые агностические подходы к самому понятию жизни, т. е. в общем итоге некритическое оформление различных борющихся научных теорий при отсутствии своей определенной точки зрения на данный предмет. Только пролетариат, четко осознающий свои пути и свои целевые задачи, заинтересован в недвусмысленном и не допускающем никаких кривотолков установлении подлинных закономерностей, существующих в природе» (Завадовский [Zavadovskij] 1931: 48).

Интересно, что с этой точки зрения подвергся критике единственный в ту пору музей, в котором первый пункт был вполне выдержан. «Для нас неприемлемо такое оформление музея, – говорит Завадовский, имея в виду Дарвиновский музей в Москве, – которое хотя и допускает свое использование, в смысле материалистического строго-дарвинистического понимания процесса органической эволюции, но также с легкостью позволяет подчинить эти экспозиции истолкованию ламаркистского и явно идеалистического характера» (Завадовский [Zavadovskij] 1931: 48). Завадовский утверждал, что «общий этикетаж должен являться, вместе с тем, и тем политическим паспортом, той директивой, которая определяет собой обязательные для экскурсовода установки в марксистском понимании их внутреннего содержания и закрывает всякие возможности для индивидуалистических либерально-демократических уклонов от генеральной линии в марксистском понимании данного вопроса» (Завадовский [Zavadovskij] 1931: 49). Еще одно важное требование, о котором упоминалось в докладе, следующее: «Антирелигиозное заострение эволюционных проблем мы рассматриваем, как наиболее очередную и актуальную задачу мировоззренческого оформления марксистского биологического музея» (Завадовский [Zavadovskij] 1931: 51).

Таким образом, с разномыслием предлагалось покончить, определенные установки стали обязательными. В направлении этих идей и началась реконструкция. Интересно отметить, что выступавшие на съезде докладчики со временем на себе ощутили, что значит доверить государству право решать, какой идеологией пользоваться. Например, Завадовский, который пытался в послевоенное время защитить генетику, был лишен кресла директора музея

им. Тимирязева. Лупполл был арестован, по видимому, в конце февраля 1941 г. и приговорен к расстрелу. С 29 октября 1941 г. он содержался в камере смертников Саратовской тюрьмы вместе с Н.И. Вавиловым. В июле 1942 г. Президиумом Верховного Совета высшая мера наказания была заменена ему 20-ю годами лагеря. Лупполл был переведен в общую камеру, а затем отправлен в лагерь в Мордовию, где и скончался 26 мая 1943 г.

Всероссийский музейный съезд закрепил представление о музее как политико-просветительном учреждении в первую очередь (Кузина [Kuzina] 1991: 142). Музеям предлагалось немедленно приступить к реэкспозиции и в предельно сжатые сроки создать новую марксистскую экспозицию (Кузина [Kuzina] 1991: 143). О том, какие перестановки пришлось в этой связи предпринять Зоологическому музею, подробно написано (Слепкова [Slepko] 2010a, b). Здесь же скажем, что силами всего состава института систематическая коллекция была переставлена в целом так, как она располагается в наше время, в соответствии с разделением на первично- и вторичноротых (Слепкова [Slepko] 2017). В начале века низшие беспозвоночные находились в первом зале, после перестановки этот зал целиком освободили под вводную экспозицию.

В апреле 1930 г. вместо устава 1927 г. Общее собрание АН СССР приняло новый Устав АН СССР, который разрабатывался комиссией под председательством В.П. Волгина с февраля по апрель 1930 г. В текст этого устава включено указание на «материалистическое мировоззрение». Бывшая Императорская Академия окончательно стала советской.

Идеологическому прессу со стороны государства подверглась не только просветительская, но и научная деятельность Зоологического института. С этой целью в начале 1932 г. на его базе была организована Первая Всесоюзная фаунистическая конференция (Зернов [Zernov] 1937: 1129–1130; Колчинский [Kolchinskii] 1999). Созыв конференции был осуществлен оргкомитетом, куда, кроме сотрудников ЗИН, вошли представители нескольких наркоматов (Наркомпрос, Наркомзем, Наркомснаб), Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОКА), Всесоюзной Академии с.-х. наук им. В.И. Ленина, Центрального научного

института рыбного хозяйства (ЦНИРХ), университетов (ЛГУ, МГУ) и т. п. Фактически организация конференции проходила под эгидой И.И. Презента и Ленинградского отделения Коммунистической академии. Конференция работала в Ленинграде с 3 по 8 февраля 1932 г. По материалам Конференции Зоологический институт издал четыре выпуска трудов ([Proceedings...] 1933–1934; Рис. 25).

Работа конференции неоднократно становилась предметом внимания. Можно указать на труды Д. Вайнера (Вайнер [Weiner] 1991), В.Е. Борейко (Борейко [Borejko] 1996). Часть, в которой рассказывается о конференции, В.Е. Борейко озаглавил «Массовая “идеологическая” порка» (Борейко [Borejko] 1996: 161). Действительно, общий тон конференции носил характер директивности, не терпящей никаких возражений. «Конференция прошла под лозунгом поворота науки к соцстроительству, непримиримой борьбы с враждебными марксизму-ленинизму течениями, за хозяйственное овладение и переделку фауны в интересах социалистической стройки», – писала Е. Кирьянова в статье о Всесоюзной фаунистической конференции в журнале «Природа» (Кирьянова [Kir'yanova] 1932: 453–458). И.И. Презент ратовал за «партийную», «большевистскую фаунистику», против старой «консервативной фаунистики» (Борейко [Borejko] 1996), утверждая, что «советский фаунист должен стать инженером-изобретателем, инженером реконструктором животного организма, активно подбирающим нужную для соцстроительства фауну» (Кирьянова [Kir'yanova] 1932: 467). Задачи фаунистики он определял так: «Объекты природы перестают быть созерцаемыми. Произошедшие в результате победоносной социалистической революции классово-экономические сдвиги поновому ставят задачу фаунистики, и ее методов простого описания уже недостаточно. Советские фаунисты должны стать изобретателями, разработать конкретные проекты планового изменения ценозов животных и их географического распределения. Мы должны овладеть фауной и не только поставить себе на службу, но и перестроить ее так, чтобы она повысила свою продуктивность. Конференция должна ответить на вопрос о том, как дальше нужно изучать фауну, чтобы эта фауна максимально служила

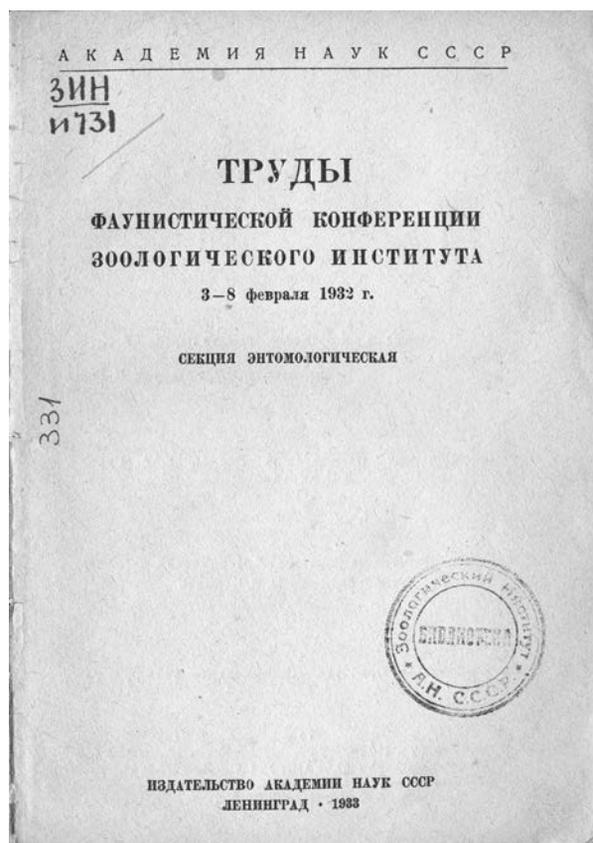

Рис. 25. Титул «Трудов Фаунистической конференции Зоологического института». Часть 1. 1933 г.

Fig. 25. The title of the «Proceedings of the Faunistic Conference of the Zoological Institute». Part 1. 1933.

интересам соцстроительства» (Кирьянова [Kir'yanova] 1932: 453–454). Это был образец практического подхода новой власти, обильно сдобренный социальной демагогией и попыткой преобразовать природу в своих интересах, не задумываясь об отдаленных последствиях планируемых воздействий. «Отечественную фаунистику не только поставили на колени, но и заставили ее отказаться от природоохраны», – писал по этому поводу В.Е. Борейко (Борейко [Borejko] 1996: 162).

На конференции присутствовали 365 делегатов (Кирьянова [Kir'yanova] 1934). Как писал в отчете за 1930–1936 гг. С.А. Зернов, конференция была созвана по договоренности с Госпланом СССР с целью улучшения планирования работ Зоологического института в соответствии с постановлением, вынесенным конференцией

по рассмотрению планов зоологических учреждений Академии наук от 23–24 ноября 1930 г. (Зернов [Zernov] 1937: 1129). Характеризуя задачи конференции, С. А. Зернов писал: «Слабая изученность фауны отдельных районов (Среднеазиатские республики, Западная и Юго-восточная Сибирь, ДВК и др.), бесплановость и чрезвычайная разрозненность фаунистических исследований, несоответствие существовавших методов и темпов научной работы в области изучения фауны страны с практикой социалистического строительства настоятельно требовали от всех научно-исследовательских учреждений Союза больших сдвигов и организационной и подчас идейной перестройки в своей работе» (Зернов [Zernov] 1937: 1129–1130). «Достижения фаунистики на сегодняшний день кажутся карликовыми по сравнению с теми колоссальными задачами, которые предъявляются отдельным отраслям ее бурным ростом нашего социалистического строительства» (Кириянова [Kir'yanova] 1932: 454) – утверждал Зернов.

Можно предположить, что присутствие такого числа заинтересованных в развитии систематики лиц пошло на пользу изучению фауны СССР, поскольку одной из основных задач конференции стало согласование всех работ, которые вели различные научно-исследовательские и отраслевые учреждения и институты, для составления единого плана фаунистических исследований Советского Союза. Также было обсуждено «установление единообразных методов работы, повышение теоретико-методологической базы для решения практически важных работ» (Зернов [Zernov] 1937: 1130) и определено место и роль зоологических учреждений АН в этой работе.

Несмотря на обстановку весьма резкого и небезопасного идеологического давления, характерный образец которого приводит В.Е. Борейко, воспроизводя стенограмму¹²⁹ эпизода принятия резолюции по осуждению профессора М.Н. Римского-Корсакова, возразившего против принципа партийности науки и демонстративно покинувшего конференцию, голоса в защиту охраны фауны, а также свободы высказывания научных суждений раздавались. Из сотрудников музея на конференции резко критиковал идею цензуры зоологических работ А.П. Семенов-Тянь-Шанский. Он же возражал

и против грандиозных планов переделки природы, предостерегая от экологических последствий такого подхода (Вайнер [Wiener] 1991: 272). В изложении статьи в «Природе» этот научный подход эколога был охарактеризован следующим образом: «На фоне ... общего настроения научных работников чрезвычайно жалкими представляются попытки некоторых лиц тянуть науку назад к дореволюционному периоду ее существования. К числу таких лиц относятся: 1. А.П. Семенов-Тянь-Шанский, в своем выступлении на конференции заявивший, что наши мощные гидро-энергосооружения могут оказаться напрасными, так как «все изменяется, все течет», достижения социалистического строительства представляются ему чем-то «временным» и потому особенно неприятными его буржуазно-классовому сознанию, что они связаны в ряде случаев с коренным изменением «природы», которое может оказаться «неисправимым»» (Кириянова [Kir'yanova] 1932: 458). Н.М. Книпович, в это время уже не работавший в музее, также возражал против проекта громадного Волжского моря, за что они оба подверглись яростной атаке со стороны И.И. Презента. Как писал Д. Вайнер, проследивавший историю охраны природы в СССР, конференция «стала ареной выяснения отношений между биологией и социалистическим строительством» ([Wiener] 1991: 270). Несмотря на критику систематики за отставание от задач социалистического строительства в фаунистических исследованиях, «конференция утвердила за ЗИНОм руководящую роль в планировании научно-исследовательских работ в области фаунистики».¹³⁰

В связи с решениями конференции была предпринята доработка производственного плана Зоологического института на 1932 г. В обсуждении корректировки планов в связи с фаунистической конференцией приняли участие Г.А. Гурвич, К.А. Бродский, С.А. Зернов, Д.В. Знойко, А.П. Семенов-Тянь-Шанский, А.Н. Кириченко, А.С. Скориков, А.А. Штакельберг. При этом оказалось, что планы на 1932 г., по сравнению с 1931 г. изменились мало: «Голая» систематика составляет 90% планов, и теперь¹³¹, институт не «эколого-фаунистический», а «систематический» (Бродский).¹³² По результатам первых четырех месяцев года была произведена производственная проверка.¹³³ Результаты

проверки были обсуждены 15 мая 1932 г. на производственном совещании, на котором под председательством К.А. Бродского присутствовали 42 участника. Докладывали Г.А. Гурвич, В.М. Рылов и И.Г. Галузо.¹³⁴

Чуть позже, на Ноябрьской сессии Академии наук 1932 г., было утверждено новое положение об институте, по которому он стал состоять из отделов экологии, зоогеографии и систематики животных. Систематика животных включала наземных позвоночных и беспозвоночных, водных позвоночных и беспозвоночных, паразитов и музей (в данном случае – экспозиционный отдел). Группа низших червей была выделена в самостоятельное отделение (Волгин [Volgin] 1933: 152). К сожалению, поиски текста этого положения результатов пока не дали, и об учрежденной структуре института можно судить лишь по отчету 1932 г., однако сама структура – появление экологического, зоогеографического отделов – свидетельствует, что пожелания конференции нашли отражение в формулировке направлений работы ЗИН.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложение бурных событий музейной жизни двух десятилетий, последовавших за началом Первой мировой войны, показывает, в сколь трудных условиях пришлось работать нашим предшественникам. События Первой мировой войны, вызвав к жизни революционные потрясения основ жизни Империи, привели Зоологический музей Академии наук в совершенно новые условия существования. К научным последствиям войн и революций можно отнести возникший акцент на изучении прикладной стороны научных вопросов, собственных ресурсов страны и на решении практических задач по улучшению снабжения населения продовольствием. Сокращение финансирования, прекращение поступления научной литературы (как иностранной, так и отечественной), приостановка печатания изданий, катастрофическое сокращение экспедиционной деятельности, сокращение поступлений и вообще угроза коллекциям, изменение характера работы с коллекциями из-за дефицита всего для этого необходимого, изменения в составе работающих вследствие

мобилизации, сокращение просветительской деятельности – все это также можно отнести к числу научных последствий военного и революционного периодов. К социальным последствиям относится коренное изменение положения дореволюционной интеллигенции, катастрофическое ухудшение ее материального положения, преследования по классовым, религиозным, идеологическим мотивам, ограничения всякого рода, отмена степеней и званий, тяжелейшие бытовые условия. К политическим последствиям можно отнести изменения, касающиеся характера управления музеем и то колоссальное идеологическое давление со стороны новой власти, которое было оказано на научную и музейную сферы.

Несмотря на социальные и стихийные потрясения, музеем и позже – институту удалось сохранить лидирующее положение в систематических исследованиях, сформировавшееся на рубеже XIX–XX вв. (Слепкова [Slepkova] 2006). Развитие исследований было на какое-то время фактически прервано тяжелыми обстоятельствами революции, Гражданской войны и террора, однако эти неблагоприятные факторы затормозили, но не приостановили рост фаунистических исследований. В обстановке возникновения многочисленных научных учреждений, характерной для рассматриваемого периода, музей занял позицию центра, координирующего исследования по систематике, и подтвердил свое лидерство в этом направлении. Развитие систематики в стенах музея привело к формированию зоогеографического, экологического, паразитологического направлений исследований. Систематика в руках сотрудников музея стала инструментом для постановки и решения как более крупных чисто научных задач (зоогеографического районирования, выявления факторов распространения животных, изучения истории формирования фаун, проблем филогении и т.д.), так и практических задач (медицинской паразитологии, промысла).

Реорганизация Академии наук, предпринятая в 1929–1934 гг., привела в 1931 г. к переименованию Зоологического музея в Зоологический институт. Исследования показывают ошибочность мнения о том, что институт был сформирован в 1930 г. в результате слияния ряда подразделений Академии (Юрьев [Yur'ev] 1982:

26–27). Преобразование музея в институт завершилось 26 декабря 1931 г. В состав музея в 1923–1924 гг. действительно вошли две паразитологические комиссии, но это было несколько раньше указанной реформы и никак с ней не связано. Структурное членение института, утвержденное в 1932 г., отражало естественную внутреннюю эволюцию исследований по систематике, проводимых ее сотрудниками.

Экспозиция музея все эти годы, за исключением последних, не претерпевала коренных изменений. Преобразование ее было инспирировано властями. Начавшиеся в 1931 г. преобразования фиксируют рубеж существования экспозиции, созданной под руководством Ф.Д. Плеске и В.В. Заленского и отразившей морфолого-аутэкологический период ее развития. Следующий за ним период по доминирующим тенденциям может быть охарактеризован как дарвиновско-зоогеографический. Административно-командный способ общения с музейным сообществом ускорил утверждение дарвинизма в музейной экспозиции. Однако, лишившись «полной неограниченной свободы устраивать музеи так, как они это найдут нужным», ученые вскоре столкнулись и с другими административными указаниями, что и как им выставлять, которые последовали чуть позже, за сессией ВАСХНИЛ 1948 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит сотрудников Академического собрания БАН, а также Е.Н. Груздеву (СПФ АРАН), Ю.А. Дунаеву (ЗИН РАН), Э.И. Колчинского (СПбФ ИИЕТ) и Ю.А. Лайус (НИУ ВШЭ) за ценные замечания и помощь.

ЛИТЕРАТУРА

- Alfyorov Zh.I. (Ed.) 2003. Academic science in Saint Petersburg in the 18th–20th centuries. Historical essays. Nauka, Saint Petersburg, 604 p. [In Russian].
- Ananyeva N.B. and Doronin I.V. 2012. Remembered name in Russian herpetology. To the 125th anniversary of S.F. Tsarevskij. *Priroda*, 6: 86–92. [In Russian]
- Basargina E.Yu. 2012. The Zoological Museum at the museum complex of the Imperial Academy of Sciences In: Slepko N.V. (Ed.) Zoological collections in Russia in XVIII–XXI centuries. Saint Petersburg State Elec-
- tro-Technical University “LETI”, Saint Petersburg: 219–236. [In Russian].
- Berlyavskii L.G. 2012. The evolution of the legal status of the Academy of Sciences in the 20-s of XX century. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, 2: 142–161. [In Russian]
- Bianki V.V. 1922. Report of the Zoological Museum of RAS for the year 1917. *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Rossijskoj Akademii nauk*, 22: 87–136. [In Russian].
- Bianki V.V. 2008. Biography of Valentin Lvovich Bianchi. In: Domestic zoologists: Valentin Lvovich Bianchi. ZIN RAS, Saint Petersburg: 5–83. [In Russian].
- Borejko V.E. 1996. White spots in the history of nature protection: USSR, Russia, Ukraine. The Kiev ecological and cultural center, Kiev and Wildlife Conservation Centre of the Socio-Ecological Union, Moscow. Vol. 1. 223 p. (Series: History of nature protection; iss. 6). [In Russian].
- Fersman A.E. (Comp.) 1928. Report on the activities of the Academy of Sciences of the USSR in 1927 with an application of the reports of the individual academic institutions. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Leningrad: Part 1. General report, XXI+354 p. (Zoological Museum: 131–169). Part 2. Report on scientific travels and expeditions: V+266 p. [In Russian].
- Kir'yanova E. 1932. All-Union Faunistic Conference. *Priroda* 5: 453–458. [In Russian].
- Knipovich N.M. 1910. Guide to the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences. Explanation of collections. Typography of the Imperial Academy of Sciences, Saint Petersburg, XXVI + 170 p. [In Russian].
- Knipovich N.M. 1912. Guide to the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences. The explanation of the collections. 2nd ed. Saint Petersburg, XXXII + 175 p. [In Russian].
- Knipovich N.M. 1924. Guide to the Zoological Museum of the Russian Academy of Sciences. Explanation of collections. 5th ed. The Russian State academic typography, Leningrad, XXXVI + 176 p. [In Russian].
- Kol'czov A.V. 1990. Election to the Academy of Sciences of the USSR in 1929. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 3: 53–66. [In Russian].
- Kol'czov A.V. 1999. The establishment and activities of the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia in 1915–1930. Nauka, Saint Petersburg, 181 p. [In Russian].
- Kolchinskii E.I. 1999. In search of a Soviet “Union” of philosophy and biology: (discussions and repressions in the 20s-early 30s). Dmitry Bulanin, Saint Petersburg, 280 p. [In Russian].
- Kolchinskii E.I. 2003a. Science and Civil War in Russia. In: E.I. Kolchinskii (Ed.-Compl.). Science and crises.

- Historical and comparative essays. “Dmitry Bulanin”, Saint Petersburg: 357–439. [In Russian].
- Kolchinskii E.I. 2003b.** Sovietization of science in the years of NEP (1922–1927). In: E.I. Kolchinskii (Ed.-Compl.). Science and crises. Historical and comparative essays. “Dmitry Bulanin”, Saint Petersburg: 440–549. [In Russian].
- Kolchinskii E.I. 2003c.** Union of science and labor: the unequal marriage of convenience. In: Zh. I. Alfyorov (Ed.) Academic science in Saint Petersburg in the 18th–20th centuries. Historical essays. Nauka, Saint Petersburg: 399–434. [In Russian].
- Kolchinskii E.I. 2003d.** “Cultural revolution” and the formation of Soviet science (1928–1932). In: E.I. Kolchinskii (Ed.-Compl.). Science and crises. Historical and comparative essays. “Dmitry Bulanin”, Saint Petersburg: 577–664. [In Russian].
- Kolchinskii E.I. 2007.** Biology in Germany and Russia-USSR under conditions of social-political crises of the first half of the XX century (between liberalism, communism and national-socialism). Nestor-Historia, Saint Petersburg, 638 p. [In Russian].
- Kolchinskii E.I. 2011.** Nasonov Nikolay Viktorovich. In: E.I. Kolchinskii (Ed.) Biology in St. Petersburg. 1703–2008: an encyclopedic dictionary. Nestor-Historia, Saint Petersburg, 566 p. [In Russian].
- Kolchinskii E.I., Beyrau D. and Ju. Lajus (Ed.). 2007.** Science, Technology and Society of Russia and Germany during the First World War. Nestor-Historia, Saint Petersburg, 504 p. [In Russian].
- Komarov B.L. 1930.** Report on the activities of the Academy of Sciences of the USSR in 1929, compiled by the Officer-in-Charge of Indispensable Secretary academician V.L. Komarov with an application of reports of the individual academic institutions. Part 1. General report. Academy of Sciences of the USSR, Leningrad: XVIII+296 p. (Zoological Museum: 132–149). [In Russian].
- Kuzina G.A. 1991.** The State policy in the field of museum business in 1917–1941. In: S.A. Kasparinskaja (Ed.). Museum and power. P. 1. Moscow: 141–143. [In Russian].
- Lajus Ju. A. 2007.** International cooperation, fish resources and development of fisheries science in Russia before, during and after the First World War. In: E.I. Kolchinskii, D. Beyrau and Ju. Lajus (Eds.). Science, Technology and Society in Russia and Germany during the First World War. Nestor-Historia, Saint Petersburg, 504 p. [In Russian].
- Leonov V.P. (Ed.) 1993.** Academic case of 1929–1931: documents and materials of the investigation case, fabricated by OGPU. Vol. 1. Case on charge of Academician S.F. Platonov. BAN, Saint Petersburg, 296 p. [In Russian].
- Luppold I.K. (Ed.) 1931.** Proceedings of the First all-Russian Congress of the Museums. Materials of sections meetings on 1–5 December 1930. Science sector of the People’s Commissariat of Education of the RSFSR, Moscow–Leningrad, 164 p. [In Russian].
- Nasonov N.V. 1915.** Report of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences for the year 1913. *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoj Akademii nauk*, **19**: 1–108. [In Russian].
- Nasonov N.V. 1916.** Report of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences for the year 1914. *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoj Akademii nauk*, **20**: 1–125. [In Russian].
- Nasonov N.V. 1917.** Report of the Zoological Museum of the Academy of Sciences for the year 1915. *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Akademii nauk*, **21**: 1–151. [In Russian].
- Nasonov N.V. 1922.** Report of the Zoological Museum of the Russian Academy of Sciences for the year 1916. *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Rossijskoj Akademii nauk*, **22**: 1–80. [In Russian].
- Ol’denburg S.F. (Ed.) 1925.** The Zoological Museum: founded in 1832: [Reminder-Guide]. Academy of Sciences of the USSR, Leningrad, 23 p. [In Russian].
- Ol’denburg S.F. (Comp.) 1917.** Report on the activities of the Russian Academy of Sciences of the Sections of Physical and Mathematical sciences and Historical sciences and Philology in 1917, compiled by Indispensable Secretary Academician S.F. Oldenburg and made in a public meeting on December 29, 1917. Petrograd, 437 p. (Zoological Museum: 85–104). [In Russian].
- Ol’denburg S.F. (Comp.) 1919.** Report on the activities of the Russian Academy of Sciences of the Sections of Physical and Mathematical sciences and Historical sciences and Philology in 1918 compiled by Indispensable Secretary Academician S.F. Oldenburg and made in a public meeting on December 29, 1918. Petrograd, 400 p. (Zoological Museum: 78–99). [In Russian].
- Ol’denburg S.F. (Comp.) 1920.** Report on the activities of the Russian Academy of Sciences of the Sections of Physical and Mathematical sciences and Historical sciences and Philology in 1919, compiled by Indispensable Secretary Academician S.F. Oldenburg and made in a public meeting on December 29, 1919. Petrograd, 362 p. (Zoological Museum: 81–119). [In Russian].
- Ol’denburg S.F. (Comp.) 1924.** Report on the activities of the Russian Academy of Sciences in 1923, compiled by Indispensable Secretary Academician S.F. Oldenburg and made in a public meeting on February 2, 1924. Leningrad, 186 p. (Zoological Museum: 92–98). [In Russian].
- Ol’denburg S.F. (Comp.) 1925.** Report on the activities of the Russian Academy of Sciences in 1924, compiled by Indispensable Secretary Academician S.F. Oldenburg and made in a public meeting on February 2, 1925. Leningrad, 287 p. (Zoological Museum: 82–121). [In Russian].

- Ol'denburg S.F. (Comp.) 1926.** Report on the activities of the Academy of Sciences of USSR in 1925, compiled by Indispensable Secretary Academician S.F. Oldenburg and made in a public meeting on February 2, 1926. Part 1. General report. Leningrad, 408 p. (Zoological Museum: 99–148). [In Russian].
- Ol'denburg S.F. (Comp.) 1927.** Report on the activities of the Academy of Sciences of USSR in 1926, compiled by Indispensable Secretary Academician S.F. Oldenburg and made in a public meeting on February 2, 1927. Part 1. General report. Academy of Sciences of the USSR, Leningrad: XX+395 p. (Zoological Museum: 122–181). [In Russian].
- Ol'denburg S.F. (Comp.) 1929.** Report on the activities of the Academy of Sciences of USSR in 1928, compiled by Indispensable Secretary Academician S.F. Oldenburg with the application of reports of individual academic institutions. Part 1. General report. Academy of Sciences of the USSR, Leningrad: XIX+327 p. (Zoological Museum: 132–159). [In Russian].
- Perchyonok F.F. 1991.** Academy of Sciences on the “Great Break” In: Links [Zven'ja]. Historical Almanac. Issue 1. Progress, Phoenix, Atheneum, Moscow: 163–235. [In Russian].
- Perchyonok F.F. 1995.** The “Case of the Academy of Sciences” and “The Great Break” in Soviet science. In: Tragic fates: Repressed scholars of the USSR Academy of Sciences. Nauka, Moscow: 201–235. [In Russian].
- Pesenko Yu.A. 2001.** The 130 anniversary of the birth of A.S. Skorikov (1871–1942). Life and scientific activity. *Entomologicheskoe obozrenie*, **80**(3): 752–764. [In Russian].
- Putevoditel'. 1901.** Guide to the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences. Typography of Isidor Goldberg, Saint Petersburg: 303 p. [In Russian].
- Revyakina I.A. and Selezneva I.N. 1994.** Difficult days of Russian Science. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*, **64**(10): 931–937. [In Russian].
- Romanovskii S.I. 1999.** Science under the pressure of Russian history. Published by Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 338 p. [In Russian].
- Skarlato O.A. (Ed.) 1982.** The Zoological Institute. 150 years. Nauka, Leningrad: 243 p. [In Russian].
- Slepkova N.V. 2001.** On Vasilyevsky Island near the Palace Bridge, 1901–2001: To the centenary of the opening of the exposition of the Zoological Museum in a building near the Palace bridge. Zoological Institute of RAS, Saint-Petersburg, 83 p. [In Russian].
- Slepkova N.V. 2005.** Staff composition and structure of the Zoological Museum Academy of Sciences in 1882–1932 In: Science and technology: Questions of history and theory. Abstracts of the XXVI Conference of the St. Petersburg branch of the National Committee on the history and philosophy of science and technology of the Russian Academy of Sciences (21–25 November 2005). Issue XXI. Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, Saint Petersburg: 88–89. [In Russian].
- Slepkova N.V. 2006.** Development of the Zoological Museum of the Academy of Sciences as a Centre of Research in Systematics (1883–1932): Abstract of dissertation for the degree of a candidate of biological sciences. Moscow, 26 p. [In Russian].
- Slepkova N.V. 2007.** The formation of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences as a leading center for research on taxonomy. The end of the 19th century. *Trudy ob"edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu*. 2006: 101–117. [In Russian].
- Slepkova N.V. 2008.** The reorganization of the Academy of Sciences of 1929–1931 and the Zoological Museum. In: Academic archive in past and present. Nestor-Historia, Saint Petersburg: 292–302. [In Russian].
- Slepkova N.V. 2017.** The Zoological Museum in Saint Petersburg and the development of taxonomy: 300 years of changes. *Muzej – pamyatnik – nasledie*, (1): 7–17. [In Russian].
- Slepkova N.V. 2010a.** The Exposition of St. Petersburg Zoological museum in the years of the Soviet regime. *Tartu ülikooli ajaloo küsimusi*, **38**: 10–23. (Noukogude-teadus sisult sotsialistlik, vormilt rahvuslik?).
- Slepkova N.V. 2010b.** The development of the exposition of the Zoological Museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg in the 20th century. *Voprosy muzeologii*, **2**: 145–156. [In Russian].
- Slepkova N.V. 2011.** Pleske Fedor Dmitrievich. In: E.I. Kolchinsky (Ed.) *Biology in Saint Petersburg. 1703–2008: an encyclopedic dictionary*. Nestor-Historia, Saint Petersburg: 382.
- Smirnov A.V. 2011.** Byalynitsky-Birulya Alexey Andreevich. In: E.I. Kolchinsky (Ed.) *Biology in Saint Petersburg. 1703–2008: an encyclopedic dictionary*. Nestor-Historia, Saint Petersburg: 82–83. [In Russian].
- Sobolev V.S. 1998.** Academy and power (1918–1930). *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, **68**(2): 176–182. [In Russian].
- The Imperial Academy... 1917.** The Imperial Academy of Sciences in 1889–1914. Vol. II. Materials for the history of the academic institutions in 1889–1914. Part. 1. Russian Academy of Sciences, Petrograd, 631 p. [In Russian].
- Proceedings..., 1933–1934.** Proceedings of the all-Union Faunistic Conference of the Zoological Institute on February 3–8, 1932. The Academy of Sciences of the USSR, Leningrad, Issue 1. Entomological section, 1933, 75 p.; Issue 2. Section of terrestrial vertebrates, 1933, 68 p.; Issue 3. Section of parasitology, 1933, 92 p.; Issue 4. section of Hydrobiology, 1934, 125 p. [In Russian].
- Volgin V.P. 1931.** Report on the activities of the Academy of Sciences of USSR in 1930. General report

- drawn up by the Indispensable Secretary academician V.P. Volgin, reports on the work of the members of the Academy and individual academic institutions with scientific and literary works in a separate annex. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Leningrad: XV+279 p. (Zoological Museum: 175–192). [In Russian].
- Volgin V.P. 1932.** Report on the activities of the Academy of Sciences of USSR in 1931. Academy of Sciences of the USSR, Leningrad: 1–383 (Zoological Museum: 282–296). [In Russian].
- Volgin V.P. 1933.** Report on the activities of the Academy of Sciences of USSR in 1932. Academy of Sciences of the USSR, Leningrad: 1–317. (Zoological Institute: 152–164). [In Russian].
- Volgin V.P. 1934.** Report on the activities of the Academy of Sciences of USSR in 1933. Academy of Sciences of the USSR, Leningrad, 392 p. (Zoological Institute: 271–282). [In Russian].
- Volgin V.P. 1935.** Report on the activities of the Academy of Sciences of USSR in 1934. Academy of Sciences of the USSR, Moscow–Leningrad, 612 p. (Zoological Institute: 271–282). [In Russian].
- Wiener D. 1991.** Ecology in Soviet Russia. Archipelago of liberty: national parks and the nature conservancy. Progress, Moscow, 400 p. [In Russian].
- Yakobson G.G. 1922.** Nikolay Nikolaevich Adelung (1857–1917). *Ezhegodnik Zoologicheskogo muzeya Rossijskoj akademii nauk*, 22: 1–VIII.
- Yakobson G.G. 1924.** A short guide to the Zoological Museum of the Russian Academy of Sciences. The Russian State Academic Printing House, Leningrad: 23 p. [In Russian].
- Yureneva T.Yu. 2007.** Museology: a tutorial for a high school. 4th ed. Academic project. Alma Mater, Moscow, 560 p.
- Yur'ev K.B. 1982.** Historical sketch. In: O.A. Skarlato (Ed.) 1982. The Zoological Institute. 150 years. Nauka, Leningrad: 13–41. [In Russian].
- Zaks A.B. 1980.** All-Russian Museums Congress. *Voprosy istorii*, 2: 164–167. [In Russian].
- Zaks A.B. 1982.** The first all-Russian Conference on Museum Affairs. February 1919. (On materials of Division of the written sources of the State Historical Museum). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*, 55 (Actual questions of study of the Museum's funds on the history of Soviet society): 149–157. [In Russian].
- Zavadovskij B.M. 1931.** Methods of Marxist Exposition of natural history museums. In: I. K. Luppol (Ed.). Proceedings of the first all-Russian Congress of Museums. Materials of section's meetings on December 1–5, 1930 Vol. 1. Science Sector of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, Moscow-Leningrad: 40–55. [In Russian].
- Zernov S.A. 1937.** Zoological Institute of the USSR Academy of Sciences during the period 1931–1936. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya biologicheskaya*, 4: 1129–1130. [In Russian].
- Zoological Museum, 1904.** Zoological Museum. Guide to the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences. 2nd-ed. P.P. Sojkin, St. Petersburg, 327 p. [In Russian].

Представлена 13 мая 2019 г.; принята 10 сентября 2019 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Примечания

APPENDIX 1. Notes

¹ Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук/Saint-Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (далее – СПФ АРАН). Фонд/Fund (далее – Ф.) 55. Опись/Inventory (далее – Оп.) 1 (до 1937). Дело/File (далее – Д.) 4. Лист/Sheet (далее – Л.) 1–126.

² СПФ АРАН Ф. 2. Оп. 1 (1921). Д. 10. Л. 160–217.

³ СПФ АРАН Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 38. 115 л.

⁴ Они издавались на правах рукописи в небольшом числе экземпляров и хранятся в Академическом собрании Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге, либо же в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Некоторые экземпляры есть в РНБ. По внешнему виду протоколы в БАН напоминают обычную книгу. Они брошюровались погодно, имеют указатели, но публиковались в столь ограниченном числе экземпляров, что мы отсылаем к ним как к архивному материалу.

⁵ Проект надстройки Зоологического музея, составленный архитектором Г.Д. Гриммом и датированный 1908 г. (СПФ АРАН. Ф. 147. Оп. 1 (1908). Д. 3. Л.1–8), был утвержден Строительным комитетом Министерства народного просвещения 15 сентября 1910 г. (СПФ АРАН Ф. 147. Оп. 1. Д. 3. Л. 7).

⁶ СПФ АРАН. Ф. 147. Оп. 1. Д. 4. Журн. 1–75.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 147. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 147. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 147. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 147. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 147. Оп. 1. Д. 3. Л. 8. В настоящее время не используется.

¹² А.И. Чекини, А.Н. Кавригина, Э.Ф. Мирам, В.Н. Гансина, А.Т. Пржиленцкая, Э.А. Вильмс, Ц.К. Федерольф, М.К. Ремпен, Е.Н. Покровская, А.Н. Федорова, А.Л. Млокосевич, В.Л. Млокосевич, О.Н. Брандт, В.В. Чернавин.

¹³ Их список с датами зачисления выглядит следующим образом: с 1895 г. в число корреспондентов были избраны С.Н. Алфераки (Петроград), Г.Е. Грум-Гржимайло (Петроград), Н.А. Зарудный (Ташкент), Н.Г. Ершов († 1896). Л.Ф. Млокосевич († 1909), Г.Н. Потанин (Томск), Н.Б. Сомов (Харьков),

В.Л. Хлебников (ЧистОполь), Т.С. Чичерин († 1904), М.И. Янковский (Владивосток); с 1896 г. – М.М. Березовский († 1911), Н.А. Варпаховский († 1909), Н.А. Гребницкий († 1908), М.Е. Грум-Гржимайло (Витебск), П.К. Козлов (С.-Петербург), Э.А. Фон-Миддендорф (Геллеворм), В.И. Роборовский († 1909); с 1898 г. – А.Н. Казнаков (Тифлис); с 1899 г. – В.Е. Яковлев († 1908), Е. Васман (Люксембург); с 1900 г. – Б.А. Дмитриев; с 1901 г. – Н.И. Ассанов (Кобдо), А.М. Быков (Батум), А.Б. Шелковников (Тифлис); с 1905 г. – Б.А. Пальчевский († 1909), с 1906 г. – барон Г.В. Лоудон (Вольмар), с 1907 г. – В.О. Ошанин (Петроград), с 1908 г. – В.К. Бражников (Петроград), И.Д. Кузнецов (Петроград), А.П. Семенов-Тянь-Шанский (Петроград); с 1910 г. – П.З. Виноградов-Никитин (Боржом); с 1911 г. – Ф.А. Дербек (Ревель), В.К. Солдатов (Хабаровск), П.Ю. Шмидт (Петроград); с 1912 г. – С.Н. фон Вик, с 1913 г. – А.И. Черский (Владивосток); с 1914 г. – К.А. Сатуниин († 1915).

¹⁴Первой в этой серии была инструкция для собирания млекопитающих, написанная Е.А. Бихнером в 1888 г. Через 10 лет к ней добавилась «Инструкция для собирания насекомых» Г.Г. Якобсона, выдержавшая 4 издания. Над этой серией, кроме Е.А. Бихнера и Г.Г. Якобсона, работали А.А. Бялыницкий-Бируля, С.К. Приходко, Л.С. Берг, А.С. Скориков, В.Л. Бианки, А.К. Мордвилко, Н.М. Книпович, Н.М. Кулагин, В. В. Редикорцев, О.И. Ион, П.Д. Резвой, Е.Н. Павловский, С.И. Малышев, В.Н. Шнитников, Е.В. Домбровская, В.Н. Старк. В этой серии вышли инструкции по сбору млекопитающих, рыб, амфибий и рептилий, по сбору птиц, их яиц и гнезд, для собирания пресноводной фауны и морских животных, пресноводных губок, дождевых червей, паукообразных, тлей, блох, термитов, комаров, клещей, пчел, галлиц, короедов. Необходимость серии была связана с тем, что в сборе коллекций принимали участие многочисленные любители, корреспонденты музея, и другие лица, не имевшие специального зоологического образования.

¹⁵Научный архив ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 6.

¹⁶Перечень работ опубликован у О.А. Скарлато ([Skarlato] 1982: 231).

¹⁷Гражданская война в России продолжалась с 1917/1918 по 1922/1923, официально – с точки зрения Российской Федерации (РСФСР, Советской России) – с 23 февраля 1918 г. по октябрь 1922 г.

¹⁸Л.С. Берг и В.В. Заленский в это время не работали в музее.

¹⁹Протоколы заседаний Физико-математического отделения Академии наук (далее – Протоколы ФМО) за 1917 г. Заседание 7. § 241: 113.

²⁰Протоколы ФМО за 1919 г. Заседание 1. § 18: 7.

²¹Протоколы ФМО за 1919 г. Заседание 6. § 193: 100–101.

²²СПФ АРАН Ф. 2. Оп. 1(1921). Д. 10. Л. 160–217 (Отчет за 1921 г.); СПФ АРАН Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 38 (Отчет за 1922 г.).

²³СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1(до 1937). Д. 38. Л. 104 об.

²⁴Местом работ был выбран Сестрорецкий курорт, где просили предоставить в бесплатное пользование одну или две комнаты с тремя кроватями, право пользования обедом в Курорте и предоставлении трех безмянных билетов для проезда в Курорт из Петрограда (Протоколы ФМО за 1919 г. Заседание 4 § 127: 640–65).

²⁵СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1(1921). Д. 10. Л. 108.

²⁶Протоколы ФМО за 1919 г. Заседание 9. § 277: 150.

²⁷СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1921). Д. 10. Л. 212.

²⁸СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1917). Д. 17. Л. 34.

²⁹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 204. Л. 1–51.

³⁰СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 41.

³¹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 45.

³²СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 105.

³³Протоколы заседаний ФМО за 1919 г. Заседание 1. § 34: 14–15. Полное содержание списка не известно.

³⁴Протоколы заседаний ФМО за 1914 г. Заседание 9. § 483: 195.

³⁵Протоколы заседаний ФМО за 1914 г. Заседание 9. § 503: 203.

³⁶СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. (до 1937). Д. 161. Л. 22.

³⁷Протоколы заседаний ФМО за 1918 г. Заседание 5. § 107: 47–48.

³⁸Протоколы заседаний ФМО за 1918 г. Заседание 14. § 342: 211

³⁹В этом году он ни разу не принимал участия в заседаниях ФМО.

⁴⁰Протоколы заседаний ФМО за 1918 г. Заседание 15. § 359: 218.

⁴¹Протоколы заседаний ФМО за 1919 г. Заседание 7. § 236: 121.

⁴²Протоколы заседаний ФМО за 1919 г. Заседание 9. § 290: 155.

⁴³Протоколы заседаний ФМО за 1919 г. Заседание 11. § 352: 182.

⁴⁴Протоколы заседаний ФМО за 1919 г. Заседание 14. § 383: 203.

⁴⁵Протоколы заседаний ФМО за 1919 г. Заседание 2. § 85: 45.

⁴⁶СПФ АРАН Ф. 2. Оп. 1(1921). Д. 10. Л. 163.

⁴⁷Протоколы заседаний ФМО за 1919 г. Заседание 1. § 31: 14.

⁴⁸СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1(1921). Д. 10. Л. 204.

⁴⁹Протоколы заседаний ФМО за 1917 г. Заседание 11. § 389: 170.

⁵⁰СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 161. Л. 331.

⁵¹Протоколы заседаний ФМО за 1917 г. Заседание 11. § 399: 173–174.

- ⁵²Протоколы заседаний ФМО за 1917 г. Заседание 11. § 401: 174
- ⁵³24 сентября началась его командировка на Кавказ, тогда ли он уехал – точно не известно.
- ⁵⁴СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 1. Л. 6.
- ⁵⁵СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 1. Л. 3.
- ⁵⁶СПФА РАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 1. Л. 6.
- ⁵⁷СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 161. Л. 484. Управлял этой комиссией академик архитектуры Г.И. Котов.
- ⁵⁸СПФА РАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 1. Л. 8.
- ⁵⁹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 1. Л. 8.
- ⁶⁰СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 1. Л. 10.
- ⁶¹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 1. Л. 10 об.
- ⁶²СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 160. Л. 55.
- ⁶³СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 161. Л. 488, 489, 491, 492, 499, 501.
- ⁶⁴СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 161. Л. 490; Протоколы заседаний ФМО за 1917 г. Заседание 13. § 442: 191–192.
- ⁶⁵Протоколы ФМО за 1918 г. Заседание 2. § 48: 17–20. В это время в музее он не работал. Интересно его мнение о знаменитом чучеле Березовского мамонта в том месте письма, где он говорит о том, что эвакуировать из выставочной коллекции: «Из чучел и спиртовых предметов второго, большого зала следует выбрать только особенно редкие и ценные экземпляры, например скелеты и препараты мамонта (за исключением, конечно, не имеющей научной ценности и безобразного чучела его)» (там же: 19).
- ⁶⁶Протоколы ФМО за 1918 г. Заседание 2. § 48: 18.
- ⁶⁷СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1918). Д. 16. Л. 9.
- ⁶⁸Протоколы ФМО за 1918 г. Заседание 2. § 48: 21.
- ⁶⁹Протоколы ФМО за 1914 г. Заседание 11. § 591: 237. Они были, как упоминает Плеске, в результате захвачены немцами и увезены в Берлин (Протоколы заседаний ФМО за 1918 г. Заседание 2. § 48: 17–18).
- ⁷⁰СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937) (1920). Д. 4. Л. 74.
- ⁷¹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937) (1920). Д. 4. Л. 80.
- ⁷²СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937) (1920). Д. 4. Л. 75.
- ⁷³СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1921). Д. 10. Л. 87.
- ⁷⁴СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1918). Д. 16; Протоколы заседаний ФМО за 1920 г. Заседание 15. § 249: 169.
- ⁷⁵СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1918). Д. 16; Протоколы заседаний ФМО за 1921 г. Заседание 2. § 30.
- ⁷⁶СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 99.
- ⁷⁷СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 5.
- ⁷⁸СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1921). Д. 10. Л. 162.
- ⁷⁹Протоколы ФМО за 1918 г. Заседание 17. § 414: 238.
- ⁸⁰Протоколы ФМО за 1919 г. Заседание 5. § 172: 81
- ⁸¹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 96 (или 94?). Л. 18.
- ⁸²СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 161 (1917). Л. 11.
- ⁸³Протоколы заседаний ФМО за 1917 г. Заседание 11. § 400: 174.
- ⁸⁴СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1918. Д. 6. Л. 17. Постановление Конференции от 15 мая 1917 г.
- ⁸⁵II приложение к протоколу VII заседания Отделения физико-математических наук Российской академии наук от 17 (4) апреля 1918 г. (к § 145): 77–80.
- ⁸⁶СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 1. Л. 19, 20, 20 об, 21, 21 об, 22.
- ⁸⁷СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 1. Л. 20.
- ⁸⁸Протоколы заседаний ФМО за 1918 г., заседание 7, § 145: 72
- ⁸⁹СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1919). Д. 16. Л. 48.
- ⁹⁰СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 66.
- ⁹¹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 115.
- ⁹²СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 28. Л. 43.
- ⁹³А.П. Семенов-Тянь-Шанский зачислен в музей с 1 сентября 1918 г. (Протоколы заседаний ФМО за 1918 г. Заседание 13. § 303:181)
- ⁹⁴Протоколы заседаний ФМО за 1919 г. Заседание 1, § 2: 2
- ⁹⁵СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 26.
- ⁹⁶СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 1.
- ⁹⁷СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 4.
- ⁹⁸СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1921). Д. 10. Л. 169.
- ⁹⁹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 29.
- ¹⁰⁰СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 95.
- ¹⁰¹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 450. Л. 7.
- ¹⁰²СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 44. В 1920 г. в музее были 25 керосиновых ламп.
- ¹⁰³СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 64.
- ¹⁰⁴СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 38.
- ¹⁰⁵СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 59.
- ¹⁰⁶СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 84.
- ¹⁰⁷СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 88.
- ¹⁰⁸СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 80. 26 июля 1920 г. было «заслушано сообщение и. о. директора музея о результатах осмотра центрального водного отопления, столь серьезно пострадавшего в прошлую зиму».
- ¹⁰⁹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 16.
- ¹¹⁰СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 23.
- ¹¹¹Протоколы ФМО за 1920 г. Заседание 2. § 32:16
- ¹¹²СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 38.
- ¹¹³СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 56.
- ¹¹⁴СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 106.
- ¹¹⁵СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 4. Л. 123.
- ¹¹⁶СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 38. Л. 86.
- ¹¹⁷СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1921). Д. 10. Л. 86.
- ¹¹⁸Две похожие общие фотографии сохранились в небольшом альбоме с фотографиями

1920-х гг. О.М. Мартыновой, передавшей его Глебу Сергеевичу Медведеву, который передал его своему сыну – тоже сотруднику ЗИН – Сергею Глебовичу Медведеву. От него альбом попал в дирекцию к Игорю Владимировичу Доронину и уже от него – автору этой статьи. В альбоме одна из фотографий подписана, а вторая – нет. Персонажи почти все повторяются. Подписывал фотографию также и Фоканов. Его частично подписанная прорисовка сохранялась у Юлии Александровны Дунаевой. Всем, хранившим уникальный альбом, автор выражает свою признательность.

¹¹⁹СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1(до 1937). Д. 38. Л. 109 об.

¹²⁰Ян Обенбергер (15 мая 1892 г., Прага – 30 апреля 1964 г.) был чешским энтомологом, профессором зоологии в Карлов университете в Праге, специалистом по Vuprestidae.

¹²¹Сэр Борис Петрович Уваров (1886 –1970) – русский энтомолог, зоогеограф, эмигрант.

¹²²Бывший Дом таможенных чиновников, принадлежавший позднее Горному департаменту.

¹²³Протоколы заседаний ФМО за 1918 г. Заседание 6. § 126: 55–56.

¹²⁴Там же СПФ АРАН Ф. 2. Оп. 1 (1918). Д. 16

¹²⁵СПФ АРАН Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 17. Л. 97–100.

¹²⁶Перчёнок приводит этот эпизод со ссылкой на книгу Сергея Викторовича Сигриста, написанную под псевдонимом «Ростов А.» «Дело четырех академиков» и опубликованную в Париже в 1981 г. Он отмечает, что «мемуарист относит этот эпизод к Г.И. Дмусяку: ошибка памяти».

¹²⁷СПФ АРАН Ф. 2. Оп. 1(1930). Д. 17. Л. 100.

¹²⁸В это время профессора философии МГУ (1925–1931) и Института красной профессуры (1925–1938).

¹²⁹Архив РАН. Ф. 1593. Оп. 1. Д. 191. (цит. по В.Е. Борейко)

¹³⁰СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937) Д. 51. Л. 31 об.

¹³¹В смысле – «по-прежнему».

¹³²СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 51. Л. 9.

¹³³СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 51, Л. 52.

¹³⁴СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 51. Л. 67–68.